

СМЕНА

№ 15

АВГУСТ
1932

ИЗДАНИЕ „КОМОСОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ“

В ЦЕХАХ КУЛЬТУРЫ

★ ... Вы встречаете его всюду. Он агитрует, зовет, убеждает. Глашатай-масовик, он, наш советский плакат, пришел с улицы в затинные мягким солнечным светом залы

ЦЕРНОВЬ НА СЛУЖБЕ ПАПАТАЛА

Третьяковской галереи, чтобы продемонстрировать свои недостатки и достижения. «Плакат на службе пятилетки» — так называется эта выставка.

Выставочный зал сплошь занят плакатной продукцией ИЗОГИЗ. Представлены и плакаты нарезки Мур, Дени, Кукры и Куксы, Дайнеки, Ефимова — плакаты этих блестящих масте-

ров и здесь на выставке выделяются большой художественной культурой, прекрасным политическим чутьем и разнообразием творческих приемов. В дискуссионном отделе выставки имеются образцы группы идеологических ошибок, слабого художественного качества, неумения художника раскрыть образ и насытить верным политическим содержанием. К счастью от такого рода продукции мы постепенно освобождаемся. Выставка с полнейшей наглядностью показала, что со времени известного постановления ЦК партии о плакатно-картинной продукции художники пролагают большой путь к качественному росту своей продукции.

Внимание посетителей оставляют на себе работы Кудрявца и Семякина. Оба они работают над фотомонтажным плакатом. Эта яркая и действенная форма плакатного искусства пользуется большой популярностью. Однако талантливые художники не достигли еще высот своего жанра. Подчас они не могут дать целостного образа, на их плакатах ощущается налет формализма, техницизма, эстетического любования вещами.

Наш плакат должен быть ярким, бодрым и политически грамотным! За высокие образцы плакатного искусства агитирует эта выставка.

На рисунках: сверху — плакат Дени «Папа с мамой», внизу — окно ИЗОГИЗ, работа художника Черныш.

Кинорежиссер Эсфирь Шуб известна у нас главным образом по документальному фильму, взяла на себя трудную и ответственную задачу вскрыть богатое и героическое содержание шедьской работы комсомола в области электрификации. Семюхой группой предварительно собран был большой фактический материал. Эсфирь Шуб имела ряд специальных бесед с академиками Иосифе и Чернышевым, принимавшим участие в составлении генерального плана электрификации. План фильма зачитывался в массово-экономическом секторе ЦК ВЛКСМ, электротехническим бригадам московского комсомола и райком комсомола Днепропетр. Там одобрили работу семюхой группы. Сейчас съемки закончены. Фильм уже монтируется.

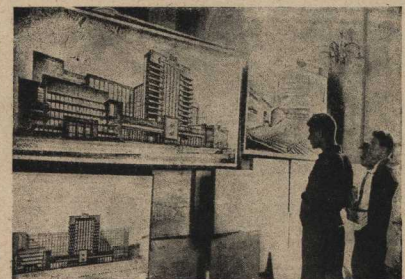
На далекий Север уехала правительственная экспедиция, возглавляемая директором Арктического института при ЦК СССР проф. С. Ю. Шмидт. Архангельск — Белое море — Баренцево море, Северная земля — Мыс Челюскина, море Лаптевых — острова Врангеля, Берингово проли — Тихий океан — Архангельск, — вот грандиозный маршрут экспедиции. Скважоз льды, туманы, морозы и штормы экспедиция пройдет все северное побережье Азии. До сих пор этого никому не уда-

лось. Но возможна и зимовка. На этот случай берется огромный запас продовольствия.

... Вы увидите победный путь ледокола на экране, вы будете с гордостью читать кинодневник экспедиции, восхититься арктическими ландшафтами... С экспедицией поехала семюхой группа во главе с режиссером Шнейдером, специализировавшимся в области экспедиционных фильмов. Киногруппа снимет полнометражный звуковой фильм. Все многообразие экспедиционной жизни будет запечатлено на пленку. Кинооператорам придется совер-

шить полеты для воздушных снимков, делать переселы на собаках, работать во время штормов и т. д.

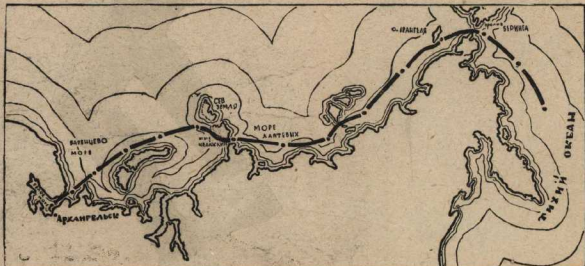
... Когда ледокол пройдет мимо острова Уэльана на Чукотке, к пристани выйдет группа режиссера Литвинова. Здесь произойдет знаменательная встреча двух киноэкспедиций. Чукотской группе предстоит продольствие и снимки, снятые по ходу экспедиции. Приход ледокола на Чукотку, встреча его с местными жителями и т. д. будут засняты группой Литвинова и смонтированы в фильм Шнейдерова.

Утром 6 августа в Москве открылась Всесоюзная олимпиада самодельного искусства. На олимпиаду прибыли десятки коллективов самодельного искусства со всех концов Советского союза

Дворца труда показывает все многообразие творческих исканий в нашей архитектуре. Чей проект будет принят? Это еще неизвестно. Жюри не подлоло еще итоговой оценки.

Утром 6 августа в Москве открылась Всесоюзная олимпиада самодельного искусства. На олимпиаду прибыли десятки коллективов самодельного искусства со всех концов Советского союза

Таков героический путь «Сибирянов»

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4
Тел. 4-51-34

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи	Стр.
Ф. ГЛАДОВ Участники конкурса	28
С. МЕРЛИС И Е. ЛАНДАУ Литературная смена	28
Б. ИРИНСКИЙ Александр Решетов	27
Рассказы и очерки	
Е. КИРЕЕВ Елена	5
С. ДИКОВСКИЙ Дальний Восток	8
А. ГРОТОЗ В стальной бригаде	10
Н. ДОБРОВОЛЬСКИЙ Гибель привычек	14
А. ВОРОНЦОВ Крушение феодальных традиций	20
Б. ПАЛЕЙ Имата	26
Стихи	
А. ЖУРОВ История одного отрыва	25
А. КУДРЕЙКО Песня о кавалерийском пе- реходе	24
Д. КЕДРИН Детина с пистолетом	21
М. ДОЛИ-ИЧ Стихи о палачах	7
А. ЕВСЕЕВ Стихи о кролике	23
А. АТЛАС Жан Крылов	25
В. ВАСИЛЬЕВ Я говорю другу	29
В цехах культуры	2
Фотомонтаж — Юные техники Советского союза	12
Фотомонтаж — Мощный цех куль- туры и отдыха московских пролетариев	16
Фотомонтаж — Зарядка солнеч- ного дня	18
Бытовая консультация	22
Слоны в комсомоле	25
Игры на молодежной мас- совке	30
Цех занимательной техни- ки № 9	31

Рисунки:
В. Васильева, В. Брисина,
Л. Сокофертиса, Б. Сварога.

Фотот:

Морозова, Гавриленко, Колли
(Союзфото), Л. - ать, Иванец-
кого, М. Розенбаум, А. Скури-
хина (Союзфото).

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРИВЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ СПАРТАКИАДЕ

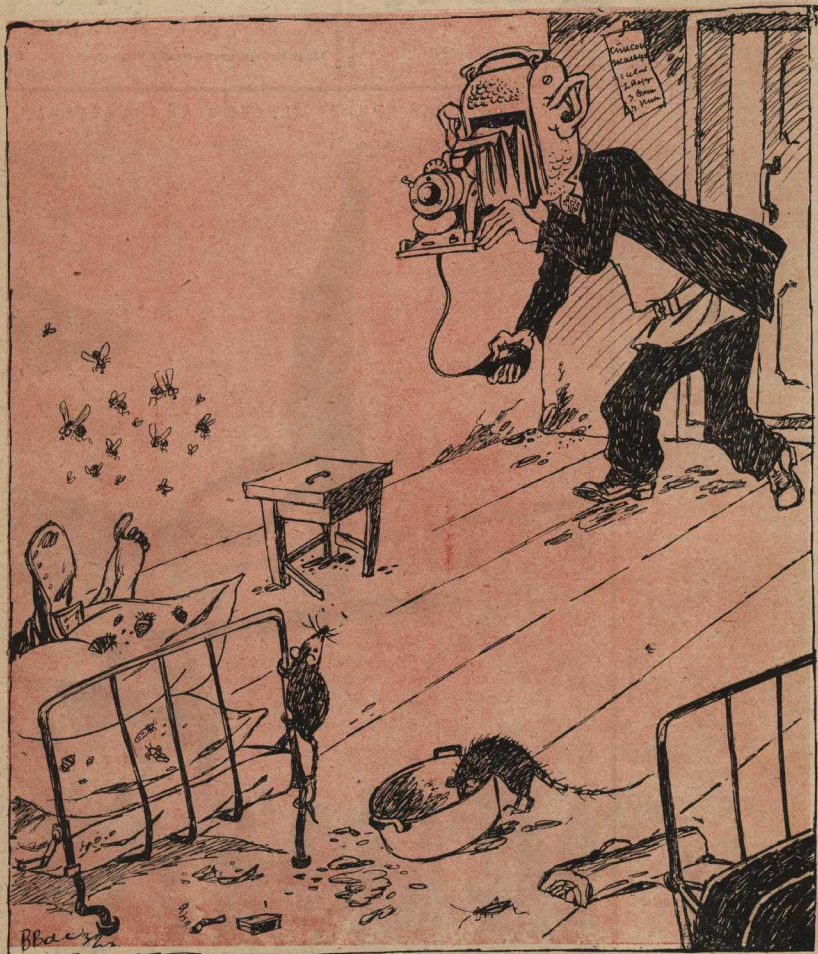
На водной станции «Динамо»

Ч И К — И Г О Т О В О ! ..

„Получаешь, увидишь: заметна. А вот лучше скажи, как устранить“.

Рис. В. Васильева

А. Косарева

—Ага, крысы, мухи.. прекрасно: будут фактины для доклада!

Е Л Е Н А

Три недели к одной кофте
Пришла рука!

Медко приговывая под говор басов гармонки, заливалась частушкой любимая подруга Елена Марья Нефедова, культорганизатор бригады.

Марья не только подруга Елены, но и лучший ее помощник. Не раз вдвоем они успокаивали шуткой разгорячившихся между собою девчат. За порядком в барнаке, за его чистотой, за тем, чтобы на красном, столе был всегда свежие газеты, следит тоже Мария. Бу-

А уж марьяно место в цидске заняла смеющаяся Фекулаша и в пару с одним из парней звонко бросает частушку:

Дайте хвост мне, дайте краски,
Живопишет буду я.

Напишу я кари глазки,
Напишу я их лобок.

На следующий день в конце обеденного перерыва, когда торфяницы высыпали гурьбой из столовой, Петька с товарищами вынесли из клуба каку-то разноцветную доску.

Торфяники сбились у доски толпой. И в

Весною на торф уходили девушки. Уюности с хлебных полей тугичие рванские песни, а на полях торфяных меняли их на частушки.

Май в этот год выдался теплым и солнечным. Гудели и березы жуки, и сумерки нужно занести первые комары, а Елена в работе нелегкой да в песнях веселых гудила тоску. Ждала все чего-то, перед ночью грустила, а чем—и сама не знала. Уходила с подругой на холм за поселок, и там, в расщелину в живую верению сны, прислушивалась к четкому говору тракторов, гулявших у подножья холма.

В такой же вот вечер встретилась она с Петькой, слесаренком ремонтной бригады Парень, возвращавшемся со смены, запяленный, перемазанный торфом и маслом,—торопился к воде и чистой рубашке...

В улыбку распустилось лицо, а взгляд, не отрываясь, следил за девушкой. Мимо, не моргнув глазами, плавно прошла Елена, а через пять шагов, чувствуя пристальный взгляд, обернулась.

Минуту говорили глаза. Минута прошла незаметно, а на второй отвернулась Елена, не успевшая продолжить свой путь.

— Да ты постой!

— А зачем?

— Ну возьми с собой и меня.

— С этакой-то рожей? Умойся ране.

— Да и умоюсь, а ты уйдешь.

— А то нет—ждать буду.

— А далеко пойдешь-то?

— Может на бугор, может и дале...

По голосу парень понял, что даде не уйти Елене, и через полчаса зматывая чистой рубашке, пришел, да так, что не вышел из мыслей девушки.

У Елены бригада хорошая. Работать начали дружно и по участку считались первыми. На собранных бригаду, хвалы, называли ударной. В колхоз на родину написали об этом девушке.

Пусть, мол, и там знают, что ессотинские на торфе не выдают. Нотру всегда твятьвать начали первыми, а потом и ее березки.

Так продолжалось с месяц. Но как-то перебралась бригаду на новое учение, и все пошло по-иному. Убавилась выработка; то ли торф тяжелее стал, то ли ленится девушки, а только нормы достигали не часто, а порой до нее и не добиралась.

Елене вначале казалось: ничего, поднасились и опять не менее выработать будем. Собирались с силами, девчат понукала, а дело с места не двигалось. На этой леньской сессале—варко, мол, и дело стоит,—а потом посерьезней задумалась. Устали девчата, что ли, или ленится начали. Ведь и попрежнему все, а работа не клеится.

Петька в комсомольском члечке по соревнованию работал, не раз говорил Елене: — Сдасте, Елена Михайловна. От других отставать начали. Изь силеники не стало, разбавили, что ли се?

Вначале Елена отшучивалась:

— Сам пойдй, попробуй, вот тогда и узнаешь.

А потом обиделась как-то:

— Да что ты пристаю? Сколько дам, и лядно.

— Да ведь первыми были...

— А теперь вот последними будем,—сердито перебила Елена, резко повернулась, обсыкая с круглого стола пельмени, и местными шагами, без прежней плавности, ушла в барак.

Ну, нахалко,—заклочил парень, постоял минуту в раздумьи, и решил: «Продет, нашла на что обидеться,—двинулся в клуб на собрание один, без Елены.

2

В барнаке песенный гам. У красного стола, покрытого кумачом, на котором, словно в чашечку, разложены газеты и книги, сбился в круг молодежь. Парни из участковой бригады кананищов с двумя гармонками затянули девчат на пляску.

Частушечный перебор голосов быстро развел в Елене сердце от радости с Петькой.

— Эй, подруга дорогая,

А сама-то какова?

Вечером по дороге с работы торфяницы снова сошлись у цветной доски

мажные шторы на окнах, плакаты и лозунги на досчатых стенах, свежие гроздья мелкого сыльника, гирляндами протянувшиеся над чистыми покровами одеял у постелей, дала и кленца бригада по дочку Марью Нефедову.

Вот и теперь, за частушкой и пляской, Мария зорко поглядывает за газетками на красном столе, у которого разместились ребята. Мария смотрит недаром: знает ребячью повадку—стннуть на раскурку газету.

— Зачем газету-то дерешь?—кончик частушки, молвила она, подходит к ребятам.

— Да мы уголок один, забали бумаги куинь,—смущенно оправдывается один.

— Тогда попрощайтесь и старая, а ты ведь новую портить, не читаную,—присоединяется к Марье Елена.—Я вот что скажу: будете безобразить, не станем пускать в барак.

Петьку-то небось пустишь?—отшучивается парень.

— Петька безобразить не умеет.

то время, как ребята крепко доску социалистического соревнования на столбах, они громко обсуждали изображения, намаленные красками на доске.

— А это что?—спросила одна из девушек, указывая на черепку.

— Черепашка—животное морское. Ползает по песку. Разве не выдала на картинках-то раннее?—ответила ей Петька.

— Да нет, не выдала. Ведь на Оке-то их нету!

— Она сама?

— А уми-то, как у нашего Кузьмича,—рассмееалась одна, вспоминая пожилого десятичника, руководившего работой бригад на штаб-большее фрезерного торфа.

— Глянь-ка. Еще чего-то хотят нашивать.

— Бумаги какие-то.

— Марья! А на ней фамилия твоя написана,—стала одна из торфяниц, обращаясь к бригадирше Марии Мокиной.

— И вправду! — Да верюли никак? — Перыанн! — Марына рамка на аэроплані! — Мокіна на пераом меце ідет по выра-ботке, — отвечая на девчуха вогазас, обвліла красотств Ольва, прывікала к доске уаі кумакый лист над русумком аэроплана. — Марына Мокіна — 130 процентоў, — громо прочтала она у девчухе.

— Ай-да Марыч!
Бумажные полоски с фамилиями бригадиров размещала на доске в порядке доказательств выработки.

— Елена Петрова, — отчитливо произнес Петка, прикрепляя листок с фамилией Елены над лошадыю.

— Еленка-то на лошады!
— Задом напереди!
— Поехала!
— Всего 91 процент у них, — говорили тор-финянки.

Гомон и смех оборвал сигнальный гуток, возвещавший конец перерыва. Бригады ушли на поля ворочить подсохшую торфу, раскрасневший за ночь полей фрезеров барабанов. Несколько бригад вышло на штабелевку успешней высохнуть крошки.

Высокое, усеченные конусы корзины за плечами девчух расставали в корневых утипах, образованных штабелями торфа.

На сушке подсохшую крошку граблями сдвигали в валки, развалили линии их на мелкие кучи, а после на торф приходили бригады для штабелевки.

3

...Вечером по дороге с работы торфинянки вновь сошлись у цветистой доски. У Мары Мокіной задорно взвизгнул нос сдвинув к себе напечатанные морщинки улыбки. Повертывая в воздухе за пашаши галайги грабильни-ник, Марья певуче, по-суздальски, вымолвила:

— Говорила Еленка: «С чужого носа — голоу-во слюма, а с первого мота и весь зрыбчоток. Так нет, ми, говорит — саотинские», всегда первыми были. Вот и проперили — едут на кобылке хвостом наперед, скачут — не уогнишь-ся, — добавила она под раскатывший смех девчухе.

— А ты что, на третьем-то месте не сиде-ла? — спросила Фекулша Лыскова из бригады Елены.

— Нам не заворно. Мы с третьего-то на аэроплан поехали, а в аэро-сантинские, с первого задом пошли да на хаост и попали.

— Ладно, садься и ты.

Елена не улыбается с прошлого вечера.

— Немахо на нашего бригадира, — толкнула девчуха.

— Что, или с Петькой посорилась?

— Нет. Тоска ее мучит! На аэроплан захотелось. Как это, мол, передом назад идти, а теперь на третьем оставался.

— А тебе от этого весело!

— Не весело, ну и не горько. Прах с ними, — пускай хоть в гроб кладут, покойником только не быть бы.

— Тебя только в гроб и положить, чтобы не брехала без толку.

— Ладно. Все хороши, — вмешалась Елена. — Ругаться нечего. Работать надо!

— Ты-то не работай!

— Работа работа рознь. Вои и Марья Мокіна с девчатами работают, да сидят-то они на аэроплане, и мы ребятаем, да на лошади. едем — то по-людски, а за хвост держимся, — слышная разраженье, ответила Елена.

— Миленьку своему скажи.

— А что тебе мой миленько?

— Он тебя с ними на кобылку и посадил. Ниного на это не сказала Елена. Только по-вернулась резко и, чувствуя в горле затор, вышла из барака на улицу.

4

Дни потянулись по-старому. Бригада остана-валась на третьем месте, достигнув лишь незначи-тельного поощрения за выработку. Елена не мирилась с этим и часто, обращаясь к девча-там, говорила: — Неужто, девчонки, выдалли? — с Петькой не обомылилась ни одним словом, раденькие не покладало себе. Сидя, води, на-делав лошады-то, что хвостом назад, ходит сам и бумажку с обозначением бригады на ней повесил — помянется захотел. Да нет, не на такующую на паш; на смех тебе не дамса — хванти, миленько, любовь откружила! — решила Елена.

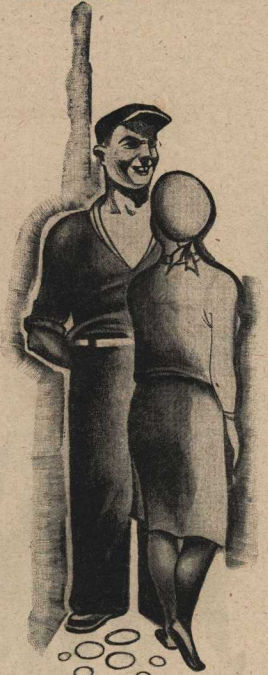
А в выходной день, во время экскурсии по Москве, в одном из музеев, у статуи Венеры Петька, стоявший рядом с Еленой, заметил:

— Вот и ты, Еленка, Венера, только совет-ская, ударила.

Бенера, а прывікала к кобылке, как сера, никак не оттапает, — улыбаясь, добняла один из парней.

Ничего не ответила им Елена, только брови гневно сошлись к переносице.

Но обидную правду приваля как зло. На обратном пути молчала или отодвигалась от-сосложимых «нет» и «да» на вопросы Петьки, который selber понимал, что девушка чув-ствует тую обожженную им.

По дороге из столов и встретила Петьку — парень отвечает в улыбку

— На что это ты, Елена, раздулась? — спра-снит он в вагоне.

— А тебе узнать хочется?

— Да ведь как же, ведь ты...

— Ну и скажи. На-смех я тебе не далась, так и знай. Помянется, — будет!

— Да же где я смеялась-то?

— На лошады-то кто посадил?

— Елена, да ты...

— Девятнадцать голов Елена.

— Ведь это по выработке. Ведь дело. План...
Надо так.

— Ну, коды надо тебе, так и смеялся, — бро-сила резко Елена и, отойдя от Петьки, приник-ла к оному, за которым бежала подстриженные, высокие ростеи и дачи, убитые земляью.

«Вот тебе, на! — думала Петька. — Показалась так, пугать, наехало, а она и вправду разу-длась. Не додумала, видно, дела».

А Елена по вечерам пелае работы зачастила на старый бугор. От подруг уходила, от мо-

лодежных песен и плясок на площадке у клуб-ка. Садиваясь у обрыва над торфяными поля-ми и делая старательно думала.

Девчата шутили:

— Еленка-то, на бугре все коладет.

— Это она по-новому печаль разгонет.

— Петька-то за другой ухаживать начал.

Елена слыла на слухах этих шуток и, на-редка улыбаясь, твердила себе: «Погоните, де-вочки, скоро о другом поговорить будете». И в один из вечеров на бугре впроем с подруг-ой надела она, что тогда впроем в работе. Вспомнил старые дни, издалека она на-памяти тот порядок, в котором кипела работа и тумане над дальними картами, где ранее бри-гада вела штабелевку.

Устали перед глазами маяские дни, проведен-ные у торфяных караванов, престаивания ей, как расставивались торфяники до карте и неутрачено с шутками дайгласа с корянами, пощипами торфа, к штабелям и распылен по ним бурно шестнадцатую яровку.

Близке к каравану стояли те, которые по-лабее. «Не так устанут, а сделают не меньше других!» — рассуждала тогда Елена, ставшая бригадой на полях.

Рядом со слобаны поставила она и лени-вых — Фекулшу и Полю.

— Пусть на глазах буду, погмидатся на ви-ду! — покаяваться лень.

Дальние линии кто полудиски наиболее вы-сунные. И работа кипела, спорилась — работали все и уставали по силам.

Вспомнила Елена и последние дни, сопоста-вила их с теми, что и понаша — порукы в ра-боте не стало, статонится бригада неодолю, Фекулша на концах языком дает, сама не ра-ботает и другим дурную поведку дает. Слабо-сильные тоже по концам расставилась — пшот корзинок снесут да и отидат просят. А без отидат тоже нельзя. Ведь не машины, да и ма-шинно отдыхают, — рассуждала Елена, воз-вращаясь с подругой к посеку. На-завтра она решила расставить бригаду в ином порядке.

— Вот увидишь, сразу же больше выдани.

— Корзинки уж больно тяжелые стали. За день-то так намучишься — лачи гудят, — заме-тила ей подруга.

— А что если носики испробовать, они ведь удобные да и больше и засыпать в них лучше, а поднимать на плечо не надо. А то у тебя, ни-камь — одна насыпает, она же врет, а подни-мать другую отрыват от дела, — время и уходит. А с носиками — и насыплют тебе сразу и несут они же. В коробе-то носилочком, почи-тай, более двух корзинок, а нести куда легче.

— Что если завтра испробовать?

— Девчата откажутся.

— Давай их выиче уговорим обе, может и согласятся.

— Да ведь попытка не пытка — попробовать можно.

У Елены были основания бояться, что бри-гада откажется перейти на носики и послед-ует в этом примере других, которые, несомотно на все предложения администрации и бе-смыслы врчей, доказывавших, что работа с носиками легче и менее опасна, все же отказы-вались от них. А когда вопрос о применении носилок был поставлен как обязательный, большинство бригад отказалось работать, за- исключением одной. Это же мнение, которое решенное на торфяных заводах в течение десятилетий, перемотит сразу не удалось, и приказ о применении носилок был отменен, а условия приготовленных носилочных корзин отодной и той бригады категорически признаны не-нужными и сортировано вывазаясь за посек-ком на свалке.

Позтому и боялась Елена, что бригада снова откажется перейти на носики, даже несмотря на явные преимуществы носилок.

Нужно было подойти как-то по-иному, на-чал издалека и постепенно убеждать в пользе нововведения.

— Десять Корзинки приготовили к утру? — начала по приходе в барак Елена.

— Готовы все, — ответила одна из торфинянок.

— Тяжелые больше, они, — проговорила Марья, не глядя на Елену.

— И черто, тяжелые. Даже плеч гудит после работы, — подтвердила та. — А мы сейчас мо-носик или лачи, попытала их, их и легкие же они, лениковы.

— Но, Елена, легкие?

— Известно, легкие, — перебила Марья.

— Вот завтра с ними выйти-то бы. Хоть испытать.

А в самом деле, девчата, давайте попыта-ем, — поговорила осторожная Елена.

— Ну их! Корзинки лучше.

— Больно тяжелые.

— Попытать разве? — заговорила бригада.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

«НОМАРИНАЯ ПУСТЫНЯ»

Спительный наместник края Гондати презрительно называл свою вотчину «номаринной пустыней». Наука тонительно подкаивала. Для своего времени это было истинно, которую никто не пытался опровергнуть. Даже маститый исследователь Алин Андреевич, видевший больше других, являлся с апломбом тюремного инспектора.

— Дальний Восток есть страна холодов, не пригодная для жизни и ценная для государства лишь в смысле сырья.

Чем же был Дальний Восток?

Официально это была часть материка. Практически на востоке страны лежал плохо разведанный остров величиной с пять Фрауций и с населением Ленинграда. Остров снабжали назем, так же как Шантарские острова или Камчатку: уральским чугуном, винчестерами на Канаду, углем Черемхова, сибирским маслом, лесными стругами, кубанской пшеницей, керосином Нобеля и волкой Смирнова.

Остров лежал огромным желудком с тонким пищеводом—Великим сибирским путем. По этому пищеводу через тайгу, болота и сопки лезли сочная отечественная спекулятивная предпринимчивость. Ни размахом, ни планоностью не отличалась загнившая экономика того времени. Города поднимались у гаваней на перевалочных пунктах золототерящих партий. Переселенцы тянулись на голые ладони степей к местам, похожим на Украину.

Европа и Америка держали «шефство» над краем. Они снабжали его всем, кроме воздуха: паромными почти дувальтовыми эпохи, спичками, манильным тросом, цинковыми крышами для городов, венками, мало-мало-мало дизельными, казенским перцем, золотыми и даже пресной водой на Япония.

В 1932 г. Дальний Восток, делая огромный по напряжению и темпам шаг в сторону

пятилетку, еще расплачивается за долгие годы опеки отечественных и зарубежных спекулянтов.

БАКУ НА ОХЕ

«Советская нефть» встретила пароход «Южур Филиппар», возвращаясь с Дальнего Востока. Туапсе—Владивосток—постоянный рейс советских нефтевозов. Баку и Грозный питают тракторы, автомобили, самолеты края. Появившись экономическому абсурду, керосин идет вокруг Алин полтора—два месяца. Нефтяные баржи могут доставлять по Амуру сахалинскую нефть в 8—10 дней.

Вторая пятилетка прекращает путешествие нефти на Дальний Восток. С 1933 г. нефть течет только с Сахалина. Даже теперь, когда земля только начинает раскрывать свои недра, известны 20 месторождений нефти. Ее перламутровые пятна встречаются охотники в горных хребтах Сихотэ-Алиня; она всплывает из ручьев и озерах Камчатки, в 50 километрах от Берингова моря. Но основные подземные резервуары на Сахалине. 350 километров восточной части острова пронитаны нефтью от реки Ландри до Охи. Ее качество выше бакинское. Есть места, где жидкая светлая нефть дает 44 проц. керосина.

В 1937 г. нефтяные вышки Сахалина будут встать в потоки на нефтеровадам 1½ млн. тонн нефти. В 1933 г. вступил в строй догоняющий по технике Баку нефтеперерабатывающий завод в Хабаровске. Его крекинги дают крауде необходимых моторам бензин, керосин и лигнин.

ХИНГАН ОТКРЫВАЕТ ЭПОХУ

Чугуном, сталью и медью Урала до сих пор живут предприятия края. Каждый километр прибавляет к стоимости тонны металла 3 копейки. 7 тыс. км.—21 рубль. Поэтому каждая

тонна магнитного чугуна стоит во Владивостоке 106,5 рубля, кузнечного—104, львовского—113 рублей.

Если Дальний Восток не прекратит эти продажи чугуна, в 1937 г. он потеряет на перевозках 12 млн. рублей. 31 тысяча вагонов (сплошная цепь их занимает 130 км.) составит четверть всего грузооборота железных дорог.

Потерит ли край 12 млн.? Инженер Виттефт, геолог Борейша, другие экономисты и исследователи отвечают:

— Нет. Во второй пятилетки ЦК партии получит телеграммы из тайги Хингана и Сучанской Ойлы.

«Задуть домын малого Хингана».

«Первый чугун Ольгинского комбината отличен по качеству».

560 млн. тонн руды Малого Хингана тянутся на 120 км. между линией железной дороги и водной магистралью Амура.

Докладчиков о проблеме Хингана на предвзудные Крайплана в первую очередь спросят:

— А уголь? Где розлива кокса для хинганских домен? Во сколько обойдется тонна хинганского чугуна?

Инженер Виттефт чуть передвинул в сторону на карте уголку.

Бурейнский бассейн лежит рядом. В 200 км. от хинганской руды—отличные кошащие угли. Насыщенность руды? От 50 до 65 проц. Стоимость тонны? 85 рублей. Это не все. Комбинат черной металлургии полиметаллов за собой из недр ценные металлы. Хинган—не только чугун. Это медь, свинец, цинк.

— Но хинганит ли 500 тысяч тонн хинганского чугуна на 1,600 тыс. человек, населяющих ДВК? Если каждый человек потребляет...

Геолог Борейша дополняет инженера Виттефта:

— Не миллион шестюсто тысяч человек, а четыре миллиона. Население края к 1938 году

А. ГРОТОВ

В СТЕПНОЙ БРИГАДЕ

С тихим звоном проезжал фургон через деревню. Артельный кузнец вез запасные пуги в степь. Желтые степные бугры окружали деревенскую дорогу. Вдали, еще видные, наклонили головы напряженные кони. Горысталя ребята бежали за испуганным теленком. Где-то чуть слышно рокотал трактор.

Таня Криволазко вышла на безлюдную улицу. Она быстро огляделась по сторонам, заметила наскоро от себя у третьего двора свою подругу Нюсю Проценко и, улыбаясь, пошла ей навстречу.

Она пошла, обнявшись, мимо низких глиняных заборов. Они чувствовали себя не совсем ладно: вся молодежь работала на зыбной вспашке и только несколько девчат сидели по своим хатам.

Им никогда еще не приходилось ходить за плугом или смотреть за конями. Не женская работа считалась такая работа. А в степи пуги были сейчас только пугателями да погонщиками.

Скучно было в деревне без людей. Чтобы сэкономить время, колхозники оставались в степи пошесть. Таня чувствовала, что на работе люди привыкают один к другому. Она замечала, что комсомольцы лучше относятся к тем, кто работает с ними. Однако возмись девки по хозяйству, ходили в гости к соседкам, скучно переселивались, коммивальсы — не пойти ли в степь.

— Не дозволю, — запретила танина мать, — озорвать будешь с парубками.
Культурной комсомольской значки, ни же бригадир первой степной бригады, Захар Коваленко предлагал Тане пойти на работу вместе

с комсомольцами. Он сказал ей между прочим, что колхозникам записывают у них те же полтора трудодня за норму, что и колхозникам, да наивысше насчет гармошки и игр в обед и по вечерам.

В этот вечер состоялся среди девчат «военный совет», и они вопреки протестам матерей начали готовиться к урешней работе.

Новью шел дождь. Таня пришла к табору, тяжело переступая ногами, облепленными чернотой. Настроение у нее было плохое, будто чего-то опасалась она, — не то непосильной работы, не то приказов бригадиров, не то чего-то неизвестного, непривычного.

Встретили ее ребята весело, но не обидно.
— Давно бы так, — подошел к ней бригадир. — На коней тебя не поставим, не бойся, пока полегче поробуешь.

Таня не очень понравилась слова бригадир. Только что она боялась, что нагрузят ее больше, чем других, а сейчас как-то несловко получалось — работа легче, чем у остальных. Но она ничего не сказала и пошла к плугу.

Первая молодежная бригада состояла из десяти ударников. Распорядилась она двенадцатью лошадами и пятью двухсельскими пугами. На каждый плуг дана была норма в 1,25 гектара. И пуги и лошади были прикреплены к отдельным ударникам. Таня также получила один плуг под свою полную ответственность.

Таня привыкнула это: впервые оказывали ей доверие в производстве.
Коваленко торопил ребят. В три минуты запрягли лошадей, и ряд острых ножей врезался в землю. Всего работали на вспашке четыре бригады. Они разбили участок на четыре па-

разделенные полосы, чтобы удобней было ориентироваться и держать межбригадную связь.

Таня не по сердцу пришлось, что Захар подгоняет колхозников. Она испоминка разговоры матери о лодырях-начальниках, что вылезает на бригадир, старясь подметить его лодыриство. Но бригадир работал хрипло. Он шепотом, быстро очищал землю с лемехов, попускал коней и заодно успевал присмотреть за работой других. Таня с некоторым удивлением заметила, что ее приглядки несовсем чуждыми и, улыбаясь работой, вскоре о них забыла. Внимание ее привлекла брошенная бригадиром фраза:

— Давай, давай, перню придется помочь второй бригаде.

Если бы Таня чувствовала себя уверенной, она бы сказала ему, что не будет помогать другой бригаде, когда и в своей работе задержит. Но не пришлось. Таня кому-то помогать. Коваленко наткнулся на участок целины. Плуг со скрежетом раздирал землю, набитую корневищами и камнями. Напряженные лошади рвались изо всех сил, но быстро вспахали уменьшился вдвое.

Участок измерили. Оказалось четыре гектара. Вторая бригада быстро обогнала первую и ушла далеко вперед. Бригадир второй бригады передал кнут плугатую и побежал назад к Коваленко.

— Не робей, ребята, — сказал второй бригадир. — Сейчас целину покажем разобьем, так что вдвоем в два сета справимся.

Никто не заметил смущенного таняного лица. Ей предлагал помощь тот, кому она хоте-

да оказывать в помощи. Она жалела теперь о коротких своих мыслях.

...Пахать приходилось в тяжелых условиях. Роса, сырежь, буры, колючий бурьян. Никто не жаловался. В самые трудные минуты комсомолы затрясли песни и шутили.

От пуда легче не будет,—говорила бригада и Тани, выходя с трогательным истерическим ожиданием конца неприятной работы, теперь соглашалась с ним, ее трудной голос отчетливо выделялся в шутках украинского песенка, что пела первая бригада.

Постепенно Тани привыкала к лошадям. Они теперь также не косились на нее, не выдергивали удачи из ее рук. Тани не хотела отстать от других и в обращении с конями особенно старалась.

До начала работ она много раз слышала, что в колхозе нехватает зерна. Люди говорили о том, что кони не выдержат, попадут без хороших кормов. Но время шло, а лошади оставались в добром порядке. Тани заглядывала в кормушки, но ничего, кроме соломы, не видела в них. Однажды она заметила небольшой мешок у корыта с водой. Тут же подошел к мешку один из комсомольцев и высыпал в него немного корок и крошек, оставшихся от обеда. И впервые почувствовала тогда Тани внимательную заботу комсомольцев о колхозе и об артельных лошадях.

Вскоре ее послали отсыкивать на ночь пашнище да пашушке. Все члены бригады делали это поочередно. Тани нашла отличную траву, выросшую на соседней стерне. Все ночь кони паслись на ней, перед светом их папионы, дали сухого корма и запрягли. В обед дали полноватую чубу, прибили буряков, а на ночь опять пустили на соевые пастбище.

Бригадир неизменно заботился о чистой пашке в поле, сам лично смотрел, не забыли ли кони сеной небо, не натерли ли холки. Он старался так расставить коней, чтобы они не побились меж собой, не покачались.

«Было что-то тут есть, раз так работай»,—думала Тани, глядя на работу своих товарищей. Она многое уже чужая, но не все сознавала.

Во время пахоты бригада все время следила, как выполнят каждый ударник поручение ему дело. Стоило чужь засориться или разладиться плугу, Коваленко был тут как тут и вместе с привлекательным колхозником наладил работу.

Если отставала или перенапрягалась какая-нибудь дошадь, ей сейчас же отбегали тягасты, ставя в другую пару, уменьшая нагрузку.

Тани с первых дней знала, что с нее спросят, и не откладывала работу про завтра.

Только один раз за всю кампанию допозд вит в тайном долге. Она очень была этим обеспокоена, но по проверке оказалось, что она не была тут виновата. Плуг вывалил на тесету и увалил в артельное худом. К началу следующего рабочего дня он стоял на своем обычном месте, тщательно исправленный и вычищенный.

Для Тани все было ново в ударной работе, и то, что товарищи ее по бригаде работали быстро и уверенно, делало для нее законом такую же работу. Сначала она с трудом тянулась за парой—1,25 гектара,—только и думая, чтобы не отстать да чтобы стыдно не было перед другими. Но постепенно она так увертелась, что забивала на время обо всем, кроме плуга и коней, идущих на расстоянии метра от нее. А к концу дня полевое сообщал, что тани плуг вывезал 1,5 гектара.

По вечерам обычно ардоходил производственные совещания бригады. Здесь разбирали дневную работу каждого человека, каждого плуга, каждой лошади. Все выяснялось на производственном совещании: кто как прочищал лемехи, кто коней укорил, кто отстал от бригады. Обсуждали, по чьей вине произошел тот или иной неурядок, решали, кому надо помочь, кого подтянуть, кого премировать.

На этих соседских уюдах Тани, что, уважат тех, кто лучше работает. Здесь же появляла она, что не для отличия работают ударники, а для того, чтобы выполнить небольшую часть огромной работы.

В обеденный перерыв проводила работу в степи комсомольская ячейка. Правление колхоза отпустило средства на книги, газеты и игры. Культурой выбрал заместителем повара, читал их вслух и посылал не совсем поинтые места.

В перерыве играла гармонь, пели песни.

В другой раз устранили полуиздочку. Сначала надо было вытанить вопрос, затем ответить оказываясь верным, «риболов» привели артельно, если он ошибался, к леске прикрепили вместо премия кусок травной рогожки, тряпки или солому.

Тани не интересовалась прежде политикой. Она всегда хорошо работала, но слабо понимала, для чего она так работает. Теперь она прислушивалась к вопросам и ответам, к статьям, что читал культурой, с трудом вчитываясь в брошюры перепечатной библиотечки. Тани и тут не хотела отстать от других, не хотела выкатывать рогожу на крышке.

По мере того, как она усваивала то, что старалась объяснить ударникам комсомольская ячейка, она заинтересовывалась новиз, несводила ей прежде. Она начинала понимать связь между ее небольшой работенкой и крупным совхозом, что находится на границе Доманевского района, связь между заманчивым колхозным колесом и теплоэлектростанцией пашного дальнего завода.

Ее давно старались вовлечь в комсомол. Брата ее, активного колхозника, демобилизованного красноармейца, не раз попрекали тем, что его сестра не в комсомоле. И только после того, как поработала она на дружной бригадной работе, в которой комсомол не только словами, но и ударным делом показал свою крепость, грамотность, веселость, тогда Тани вместе со своей подругой Нюлей заявили в ячейку.

Для них было большой радостью, когда в первый раз пустили их на закрытое комсомольское собрание. Они чувствовали, что им доверили, и это непривычное доверие к семнадцатилетним девчатам казалось ответственным и значительным.

Секретарь ячейки говорил о мобилизации внутренних ресурсов. Он призывал комсомольцев дать артели для ремонта плугов железную козку для сбруи, сбруить старые высохшие артели у своих домом для шитья.

Когда он стал голосовать свое предложение, первой подняла руку новая комсомолка Тани. Она сделала это неожиданно для себя и, опомнившись, немного испугалась своей успешности. Она подумала о том, что отец будет недополон. Ей показалось жалко отдавать старые арпаты и тельную шкуру, что мизантропически лежат на отцовском чердаке. Но внезапно она поняла, что с радостью принесет в ячейку железо и козку даже если придется сильно поспонорить с семьей.

Доманевский район, Одесской области

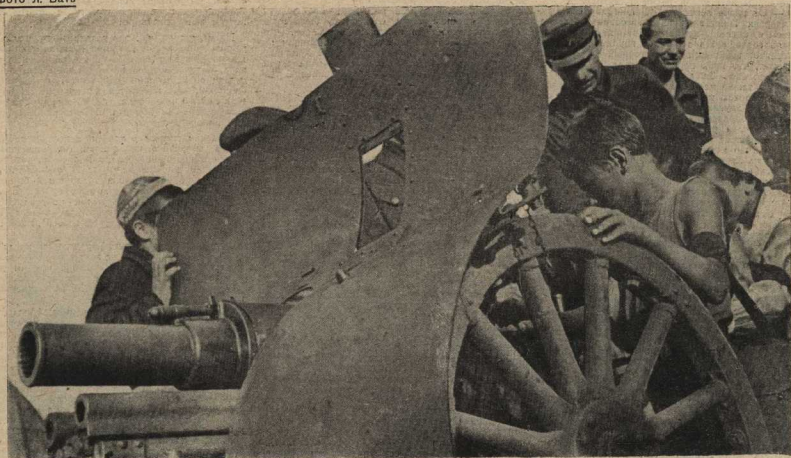

Ударницы подносят снопы

Фото Нолли (Совхозфото)

ЮНЫЕ ТЕХНИКИ СОВЕТ

Фото Л. Бать

Разбирают орудийный замок

Изобретатели у ведущей шестерни (Экспериментальный завод)

Почетный пионер — академик Бух

После трудового дня

ГИБЕЛЬ ПРИВЫЧЕК

От утреннего мытья полы сияют желтизной и пахнут медовой свежестью

Второй день у Петра Задкова болели зубы. Они были отчаянно, от боли он отрезал угол розовой подушки. Подушка сразу стала нарушать порядок в образе. Из нее вываливались бусы хлопка и медленно падали на пол.

Все утро шумел июльский дождь. Он ругался, как пещаный обвал, и землекопные работы пришлось прекратить. Густая глинистая вода цокала коленом. Он, Петр Задков, как бригадир коллектива землекопов предельно был неорганизованностью внешней природы, если бы эти явления можно было усмирить, запрудами и связать рукавом водооткачки. И теперь ему природа мстит. Прерывая зубную боль.

В бараке стало тихо, а он все дежурит. Утренние гудки давно открывали петухами выход.

Рассерженно дави подошвой сапога веселый пух подушки, к Петру Задкову нагнулся участковый командант барака, внимательный Кузнецов.

— Спишь?

— Зубы.

Ему не хотелось говорить об этом. Только недавно назад в клубе строителей был суд над симулянтон. И он был председателем. Парень оправдывал свойство своего характера (фото-маг, а сам хватался за живот). Стенка в окне клуба дрожала, точно тоже смеялась, как и весь зал, заверещающий густую толпу.

— Ну вот... — проглотил Задков и неожиданно вспомнил, что он сегодня пропустил заседание сектора проверки исполнения работы.

— Все будет в своем порядке, — сказал Кузнецов. — Моя обязанность и за людьми смотреть. В нашем кабинете имеется температура и весные календари. Температура у тебя небольшая — внизу.

Петр Задков восседал на мягком волосном матраце зеленой железной кровати с огром-

ной повязкой, сидел, как комух, и переписывала брошюру о видах и свойствах грунта. Времени в жизни Задкова не хватало. В его расписании занятий на завтрашний день, вышедшем над кровитую, стояла проработка вопроса о гниющих.

Он всегда любил наблюдать. Это было очень интересное занятие. Недостаток времени лишил Задкова такого наслаждения. Сейчас можно было досыта и наблюдать за окружающей жизнью и вспомнить о ней.

Только за это Петр Задков был благодарен утихающей зубной боли.

2

За окном барака стоит тучная рыба, облепленная тучными гроздьями ягод. Петр Задков отрывался от изучения свойств несчаюного грунта, глядит на снежную рябь и осмысливает это явление по деревенскому обычаю: скоро Ильин день. Самое горячее начало уборки хлеба. Два года назад подчинение установленным обычаям было для него законом. Хозяин, у которого работал мальчишкой Петр Задков, походил на клопа. Работал он с артезианом на поле от зари до зари. Только иногда удавалось дойти до хозяйского чулана и загнать под крышу. Но и здесь мучила его клопы. Они были похожи на хозяина, как хозяин на них. Только и вымучала вода. От нее становилась незаметной усталость и неощущения укусы.

Окончательное падение клопа произошло два года назад. Тогда был выслан из села хозяин тучных урожаев, а на московском участке кончились обмеренные работы по постройке виллитуна и требовались землекопы. Хорошая

работа и артели привели Петра Задкова в комсомол, а комсомол доверил ему сложную работу председателю сектора проверки исполнения по ячейке.

3

Жизнь и обстановка барака № 16, барака для ударников, резко отличается от жизни и обстановки всех остальных бараков тридцатисюстного поселка строителей. Петр Задков начинал с утра следить за течением жизни и сравнивал.

Железные кровати (когда в остальных бараках — деревянные, раздвинные) стоят рядом, оставляя проходы, где двое могут отпавать тренера, на кроватях — волосные матрацы с казенной простыней (а в других бараках — соломенный матрац без всяких простыней), первая подушка сбрасывает с себя наподулку каждую пятнадцатку (в других бараках соломенные подушки ничего не сбрасывают, потому что не имеют никаких наволочен), на кроватях одинаковые голубоватые пуховые одеяла (в других бараках одеяла нестир, как эпидемия, так как они являются частной собственностью каждого строителя). Перед каждой двумя кроватьми на градеальной тумбочке стоит чайник с кипяченой водой и чистый стакан, всегда готовый к услугам. До половины пятого барака пустует: люди заняты только на постройке. Выходные уехали на целый день в дом однодневного отдыха Парка культуры. Хрипное радио орет в немую тишину.

Участковый командант барака Кузнецов еще раз осматривает помещение, точно готовится встретить торжественных гостей.

Но все в порядке. От утреннего мытья полы сияют желтизной и пахнут медовой свежестью. В красном уголке барака библиотекарь разложил по столу газеты, расстелил по доскам

журналы и книги в запертой из ярко освещенной нежной, мягкой. Царяющая тишина. В пять с половиной часов тишина рвется и отсутствует до одиннадцати часов вечера. Строители снимают в сумке спеловки и перед обходом второй раз ухаживают. На простройке с рук сымаются лишь грязь, которая видна. Здесь ухаживание увеличивает окончательную чистоту рук и лица. Участковый комсомолец барака и эти часы возмущен. На фасаде барака вышита его фамилия рядом с номером барака, и он не допускает презрения к своей фамилии. Спеловки, эти прекрасные защитники труда, самые в сумках. Кузнецов берет в индивидуальную обработку. Держа спеловку, он внимательно осматривает ее сегодняшнее состояние, и если она порвана, идет уборнице на поминку, если мокрая—подвешивает ближе к потолку. Все спеловки будут окончательно просушены и из них будет выколочена пыль.

После обеда похода у строителя становится летней, глаза сонными, но молодежь не будет спать, а выправляется в красивый уголок.

4

Тихий, теплый вечер с неизменным ярким закатым загорает поскок розовым светом. И вот в разных концах—на деревянной завалене барака, на травяной тужайке, на порогках крыльца начинаются воскресать в пестрых старая Рязань, Казуля, Владимир.

Барак № 16, по закону бита всех остальных бараков, разделяется на две части. Одна скороно всматривает Рязань, Казулю, Владимир, другая предвещает уютную хоселость в пестрых старая Рязань, Казуля, Владимир.

За стеной—маленькая комната комсомольской ячейки. Она насыщена дурианом здорового воздуха, мешовидным секретарю ячейки Чепчикову докончить с группой программы план культуробработки. Но вот проработка окончена, каждый выходит из ячейки с широкой улыбкой и выносит в этой улыбке свое сегодняшнее задание.

Петр Задков не может не удержаться, чтобы не прильнуть к стеклу окна. Любопытство его тесно сочетается с наглядной проверкой исполнения.

У равностной ровины сидит множество жителей барака, ударников-строителей. У всех—ментальные глаза и скрипящие голоса. О:

завета тугивает песню на ровине издрагивает тяжелые кисти год.

Парень скороно садится на краешек бревен и выслушивает аксио до конца. Когда голоса уже охрипли и песни стала вползать, как стон, парень заламывает кепку и всех опаривает расспычатый выкриком:

... Эх, сып, Семеновна, Подсыпай, Семеновна.

Его поддерживают хором. Парень медленно поднимается с бревен и, слегка покачиваясь, как бы невзначай еще сильнее распевая «Семеновну», идет из улича, разделившую дорожку на две сегорны тесно прижавшихся бараков. Толпа покорно идет за ним по уличке и с каждым шагом обрастает новыми людьми. Появине, как на гуляние в деревне, прохлудит вдоль улича и идет обратно. Парень уже в середине толпы, его теперь к клубу ведет сама толпа, загущая одинокие выкрики густым песней. Двери клуба с трудом пропускают наплыв, и только тогда все замечают пестрое обилие не необыкновенном вечер.

5

В зале клуба пахнет столетним бором. Столетняя темнота и тишина. Петра Задкова гложет нетерпение, хсти он и знает, что происходит за откратой стеной. Оркестр брызнул восторженным тушем. Темнота все исклота блеском сотен глаз.

По пустинной сцене протянула бичева. На бичеве, дружно покачиваясь, висит обыкновенное одеяло. Если внимательней приглядеться, видно, что оно все забрызгано розовыми пятнами. Это пятна от раздвиненных клопов. Когда аудитория досела, посмотрелась и насмеядась, на сцену строило пышца клубная антитригада. Бригада резко поворачивается в сторону зала:

... Клоп—паразит, Трудя вредитель.

Не убоешь прага,

Будешь сам бичим!

Вдогону впечатлениам: врач читает популярную лекцию о методах борьбы с этими непрошенными жильцами.

Тихий, теплый вечер с неизменным ярким закатым затопляет барак розовым светом

Петр Задков не остается на кино, а призражая комутовою, зубуны поваяку, идет окунуться в новые впечатления в читальню. Зубная боль его с каждой минутой стихает. Сегодня в читальне немного душно. Но никто не замечает этого последствием любознательства. Соборная сюда большей частью маломатогриные, те, кто желает прочесть тоскую и интересную книгу, но не умеет.

... Что бы с поучением...

Голос декорного библиотекера звучит спокойно и рассудительно. Он поправляет на носу бесконую стрелкою—пенсиз и читает из маленькой книжки в красной обложке, как американский рабочий бойца, Джимми Хиггинс был хитро обманут предприимчивыми и смелым. Перед глазами слушающих вырисовывается бледное лицо Джимми Хиггинса, измазанное в блячей и своей собственной крови, поджидающего вестером предприимчивателя с буждничком в руке.

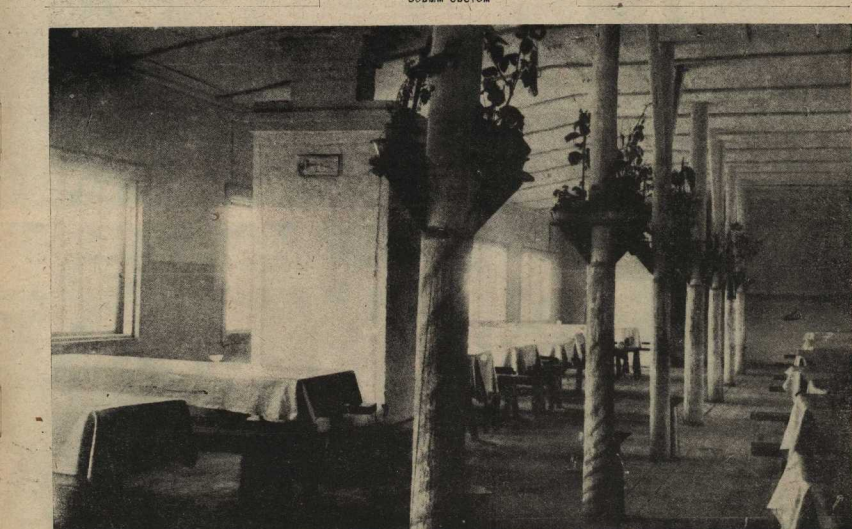
Но пошло. За бараклами раскатисто кричат пестух, присвокая жару, а радио прокатывает десять вечера. Из столовой доносятся запах щей и подарковой кавы.

После улича—уличивалин, самое несвое место. По этому жеяанию умывальнику Степану Пятакову легко проследить отношение к культурным мероприятиям.

У каждого строителя есть и мыло, и зубной порошок, и зубная щетка. Но не все чистят зубы. Двеляет лень и какая-то мелочность к такому необычайному занятию. Одни прохлудят мимо умывальника, заварив лицо, и молча опрыскиваются на кровати; другие стоят перед умывальником, широко расставив ноги, и белые брызги с ишнением вырываются из-под спущенной щетки.

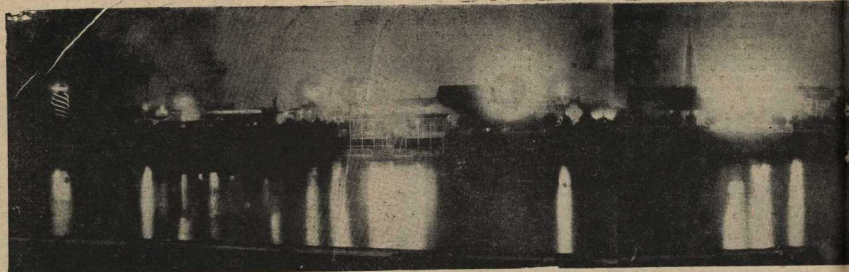
В бараке набухает розовым светом декорная лампочка. Зуб Петра Задкова окончательно перестает ныть от комедантской атлечки.

Задков не может сдержать впечатленин. Поднимается с кровати, садится на тумбочку, достает перо, бумагу и с крхтением пишет в деревню письмо. Он пишет о том, как у них в бараке долго не могли привыкнуть к урне и от божии штыря сначала слезывали на бумажку, а уж эту бумажку опускали в урну. Он пишет о зубной щетке, с восторгом—о торжественном падении клопа и боится, что ему могут не поверить. Потом Петр Задков отдает участковому комеданту письмо и с голдовой прачесой под пуховое одеяло.

МОЩНЫЙ ЦЕХ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫ

Фото М. Росенбаума

Сотни тысяч трудящихся ежедневно посещают Парк культуры и отдыха (ПКО). Цех культуры и отдыха работает в две смены — с раннего утра до поздней ночи.

Водный спорт занимает почетное место в ПКО. По Москва-реке плывут десятки лодок с водной станции (смотри правый снимок).

Аллея, ведущая вглубь ПКО, к площади «Смычка» и в Нескучный сад — один из многолюднейших участков парка. Почти каждый посетитель пересекает ее несколько раз (см. правый снимок внизу).

Большой популярностью пользуется спиральная башня для катания. Летом она с успехом заменяет лесные горы (см. левый снимок внизу).

Наступает вечер, темнота — и Парк культуры зажигается тысячами бодрых огней, составляющих как бы световую карту. Появление на верхнем снимке — панорама ПКО. Линиями огня четко обозначены спиральная башня, цирк Шаинго, водная станция.

ЫХА МОСКОВСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ

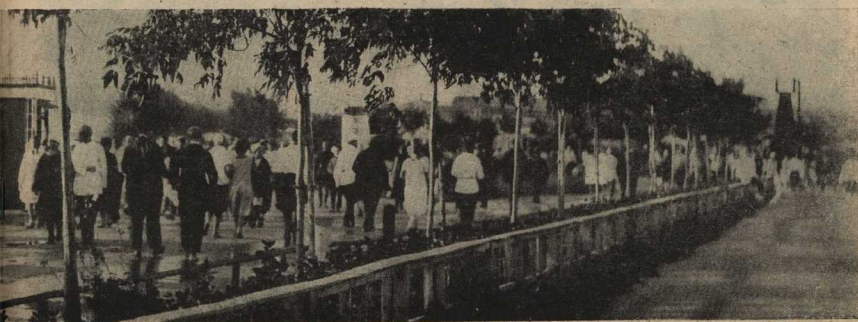
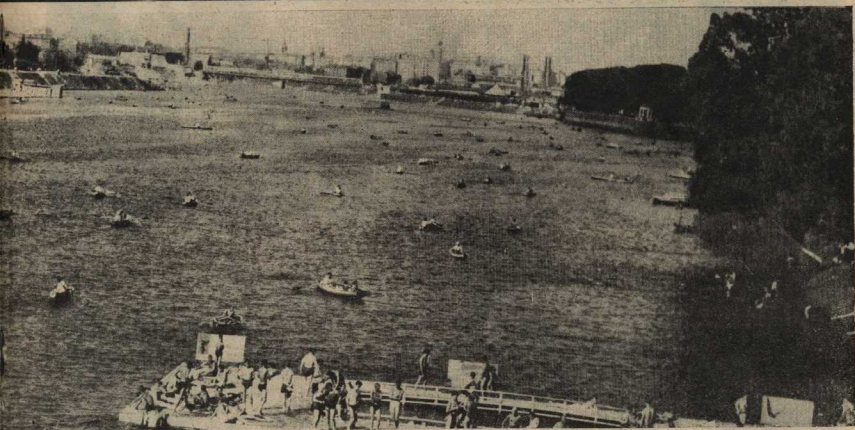
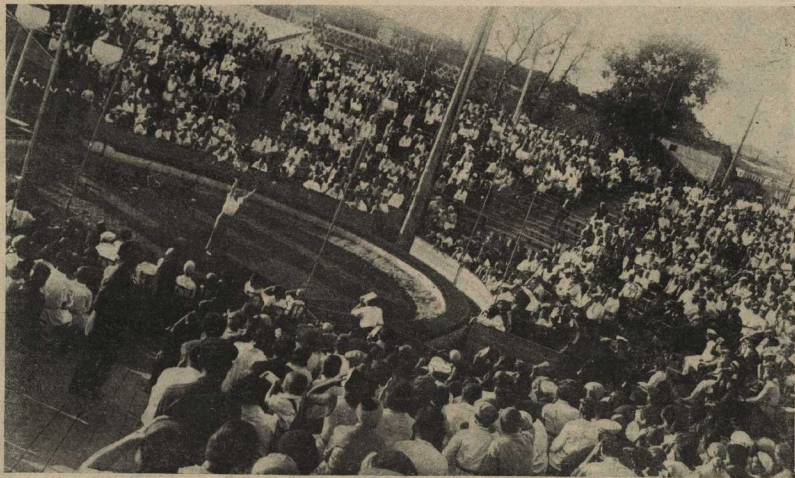

Фото А. Сурикина

Фото М. Розенбаума

Музыку не только слушают, под музыку танцуют

Цирк Шапито дает зарядку бодрости и уважения к ловкости и силе

Н Е Ч Н О Г О Д Н Я

Фото А. Скуригина

Фото А. Скуригина

Вода встречает прыгунов своей лиловой прохладой

Но и на отдыхе мы не забываем, что вдоль границ залег враг

КРЕМЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

«Миллионка» — китайское гетто Владивостока, унылая и гиблая трущоба, издревней провинциальной полицией и администрацией усердно «отечественных» колонизаторов. Если вертеть фильм времени назад, смертельные перекуры и тушилки звягают тусклыми медножелтыми размазанными красками, за которыми горбачится то ли ополупневший, то ли нубанский дом.

Дальше черные коридоры, заплюгивание и приватный уголовный кино, вставный ходячий фильм в проходе контрабандиров. В тесных уличках, у кулевских лавок, зарезан и рестораничков копошится безработный, грузинский, ишине, проститутки-переводчица, многоженное западное население. Когда занимался ветер, почти преславился, пылал к бумажным фонарикам театра. Собственного театра «Миллионка».

За рамной, под беснование тарелок, грохот барабана, гром молоточной и паликаеве скрипки, действовал, играл, пел, зыбывался, шлепал, корчился пантомимку мертвых.

Тысячелетие пьесы, с зрительное определенным, обязательным путем ходящих типов — классического феодального населения, министров, придворных, воевод.

С приворными чередованиями, сверхъестественные персонажи, поэзия комиклет загон, оборотней, ботгов.

Слозный агитационный аппарат химического театра возмещивала конфуцианские добродетели, как-то: уважение к императору, верность сословию, почтение к родителям.

Изысканная, но непонятная мудрость, вышнвая, почти филантрафия, но давню умершая рика, наконец топчащая, типично конфуцианские эстетизм — все это осыпало, вкорюило и наловало убивало зал. Обладатели от уважения к театральным генералм лавочничий, организация («Хабэ» «Хабэ» «Хорошо!») — и замедли свое восхищение жирными пампушками.

Песню нередко заглушал самый громкозвучающий в мире охоток. Вспомни мертвых Фетиней ставила и в театре из колена порабощенный живой Китай.

В стенах старого классического театра идет мужественная разведка первого в мире китайского трама.

Трам окопал тут и вынес осаду, динтепелю и изумительную осаду, которой подвергался тиешю и его соратник — спортивный клуб. Горстка китайской рабочей молодежи — товарищеский, грузинский, ишине, многоженное — поднимал, то же строительное дело, что и культурники-революционеры, затеавшие здесь первую конференцию по латинизации неорегифической письменности.

Нерогифа — колонная, заградительная прополка, связывающая культурное движение народных масс. Феодальная тематика, тронутая пленом, и мертвый опешивший язык культуртивируемые и селитры на сцене, — те же «окоп» и «гиря», консервирующие театральную культуру и помогающие конфуцианскому агитатору.

Понья, сегедия он робко переводит стрелку напаривания. Но это — позиторагодичный итог кропотливой работы трама, у которого впрямое оказалось неожиданным вояжем в влохитивитель — директор старого китайского театра.

Да, товарищ К., зарвавший деловой коммунист, глава классического театра, первый пошел с идеей трама. Его долго не понимала и даже осуждала среднестатистическая актриса.

Он, сдерживая нервую злость убежденного человека, парировал возражения одним ударом.

Разве трам не может работать на революцию. Оберните театральные воевод феодализма, поставьте на их место сегодняшних интеллигентов, давайте пролетариям, рабочих, грузинских, кули, всю порабощенную голубью. Дайте новые слова на живом языке, язык

не пролетарских кварталов Шанхая. Театр станет народным, загорится бурной революционной страстью. Его побуйт миллионы...

В перые дни скопилаа вражда старых актеров, злыбных злыбных коммунистических трам, мужскую работу.

Прискивалыдики.

Раздадал преарсудики:

«Что театр? Что актер? Человек за бортом общества».

Это — слеза традиции. Артист, по конфуцианскому моральному кодексу, как и широчайшим, парий. Еще до революции 1911 года он отказывался в праве держат государственных знамен и только через три поколения их потомки заглядывали в гражданство.

Ю-Линь. Чен-Ю...

Эти древние вьеса придворных шутков слышит нередко адогуюку китайский актер.

Сцена из пьесы «Манчжурские события»

Множество серьезных работ тревожило коллектив.

— Где найти революционную пьесу?

— Откуда взять режиссера?

— Кто возьмется гримом и костюмом?

В тщетных поисках родился девиз:

— Трамвец должен уметь делать все в своем производстве.

Коллектив — режиссер. Коллектив — портний. Коллектив — гример. Коллектив...

Театр работает в сущности как босвая агитбригада. В горячке кампании, и репетиция стригалась малыеякие пьески на производственные темы. Это — любительские спектакли. Но они прощали, доходили, создавали успех — действительно, как агитационный снаряд. И главное — десектировали классное сознание китайского пролетария.

Сугубый символизм и условность классического театра давню молодых актеров. Они считались найти более, реалистичные приемы игры. И это им порой удавалось. И тогда ярма да мечта о большом театре и больших вьесах...

Мирон Кардин — русский режиссер — Улецовичем погружен в трамвочные дела. Улецовичо это событие на этом месяце жизни театр.

Он круто повернул руль.

— Напишем большую пьесу.

Откликнулся Ван Сю-кин. Его воображение было подготовлено судьбой кантонской коммуны. Ему на сцене хотелось воплотить свою бесконечную нежность к строительству пролетарского государства в Кантоне. Он ведь тогда был гримасным партизаном...

Коллектив зоботливо следил за его работой. Это ведь творческая проба для всех. Но это и единственный репертуарный фонд.

И пьесу с трогательным уютством мастера общими силами.

«Кантонская коммуна», пьеса Ван Сю-кина в восьми картинах, тщательно прорепетированная, поразила зрителя, который впервые увидел на сцене правду о горькой судьбе угнетенных, об их гордой борьбе за пролетарскую крепость миллионов китайского народа.

Нигде так страстно не жмет зрителя, как в кантонском театре. Его реакция предельная. Он подает глазами движение актеров. Его впечатляет каждый жест, каждое слово. Тама выразительный лица необычайно подлинный.

Так было и на этом спектакле. Когда партизан вылезал к революционерке Па У-линь с известием о гибели организатора коммуны и секретаря ЦК компартии, товарища Хан Тай-тея, зал снесо сужорогой и волею селелся в гримасный стон.

Такого стоника нигде, да не знал чужой народу в сущности оставивший в веках придворным, классический китайский театр, неподлинный сегодня в ампломимку мертвецов.

Ван Сю-кин аттестует себя замороженным драматургом и режиссером трама. Он действительно — драматург по необходимости. Но он делает нужное дело с завидным рвением. Его вторая пьеса «Единение» снова находит зрителя. Вслед за ней по ходу могут следовать другие. И вот уже пьеса — волдешник пишет. Репертуарный фонд включает новые пьесы, обладающие предельной политической насыщенностью. «Сованье», «Морец капитализма», «Красные вояжеры», «Новый год», «Манчжурские события» — тематика китайского трама, которая по своей злободневности и живучести вряд ли уступит любому советскому театру.

Тысячелетний китайский стон угнетенности имеет овековеченной барбис, скажем, между знаменитым полководцем Сюма-И и не менее знаменитым стратегом Чжуэ-Ян, новый конфликт: конфликт миллионной угнетенных тру-

Эпизод боя („Манчжурские события“)

двух Кигоя с японскими интервентами. Нет, не грушевый позитивский сад феодалов, а манчжурская трагедия волнует сегодня зрителя Эгершеда!

Молодость огня трамвайного коллектива разительно изменила температуру в стенах классического театра. Холод высокомерного мастерства стариков упал. Трамваи почтительно, но настойчиво доносили их, ревностно подхватывая каждый технический совет. По и старики ведь патактивались—и как. Они сначала рококо и грудно глотали живой язык порта и завода, которым изъяснились трамвайцы со зрителем. Старики переманили революционную тематику. И тут суть отнюдь не в том, что театр возглавила товарищ К.—актеры ее жаром бранили за новую пьесу. Они аккуратно ходили на свидания с трамвайцами, беседы, доклады, совместные собрания. Одни из спектаклей—«Кантовская коммуна»—разыгран общими силами. Но это уже, не только знак дружбы, это свидетельство подмастерья

техническом росте. А ведь рост давал трамвайцам во многом с помощью стариков, которые обучали и акробатике, и технике речи, и гриму. Исключительно чуткая главная артистка классического театра Ли Сюфен, отдавшая свою юную жизнь трамвайской молодежи.

И если, говоря о психологическом сдвиге в старой актерской среде, прибавить, что на классической сцене прочно живут три новых революционных пьесы—трамвайская «Зараза»,—то это уже сгруппировано вестником китайского театрального Октября. Впрочем—он уже наступил.

Замкнутая каста китайских актеров самая нежесточивая в мире. Трамвайцы уже сегодня культурнее любого среднего китайского актера. Он—политик. Он—общественник. И его политическая культура—отличный компас в поисках выхода из мертвого тупика, в который занес китайский театр псевдонимизм феодаловых мертвецов.

Арест революционерки („Манчжурские события“)

ДМ. НЕДРИН

ДЕТИНА С ПИСТОЛЕТОМ

В ясный день в Париде лето
Шел детина с пистолетом.
Ростом он—в косую сажень,
Пистолет его заряжен,
Глаз подбит, на лбу морщина,—
Привлекательный мужчина.
Он идет и слышу бредит.
Гальд-погляд,—в карете еде:
В мягкой шляпе, в грустной думе
Седовласый старый Думер.
Грозный взгляд детина кинул,
Пистолет детина вынул
И отравил президента
В край, где елодьче фарисеата!
Саег в постель бедняка Думер,
Покряхтел и вскоре умер,
А детину взяли в лапы
В тот же миг Шерлоки—Кэалпы.
Вот читай ему допросы,
Задают ему вопросы:

— Нам темна, мол, личность ваша.
Где ваш папа, кто мамаша?
Мелкия пересь.—Я кубанец.
Литератор, инструктор,
Врач, клоуед, женат одлако,
А приехал из Мовико.
Всполозались судья разом:
— Этог ты с подбитым глазом,
Раз он русский, значит—красный,
Этог ты весьма опасный!
Он агент: советской власти—
Разорвем его на части!
Завонил детина басом:
— Я—в родстве с рабочим классом!.
Друг судья! Ты угорелый,—
От ушей до пят я белый!
Жестоко Советы правят,
Кулаком Советы давят,
Кудако гуманизм наша
Эмиграция-мамаша.

Мамя дедержея скандла,
Пистолетик мне кинула,—
Моя, стрельни, сынок по дяде,
Дам тебе на прыжок я-е.
Защептались судья хором:
— Как нам быть с таким позором?
У дубины этой има—
Уважаемая дама.
С ней Тарлье, известный в свете,
Был в отдельном кабинете,
Мильеран немного ране
Развлекался в ресторане.
Кто еще? Да мы и сами,
Мы и сами... гм... с усамн.

Тут мамаша появилась,
На детину напустилась:
— Ты мой сын? Пьянчуга! Дворник!
Проходим! Позаборини!
Ты мон достатки сполал,
Ты мон ботинки пропил,
Не забудь, что ты к тому же
От жильца, а не от мука!
Долог аь, нет ли дядца сказка,
А уже видна развязка:
Приговор состряпан мигом
Прокурером Доина-Дигом.
День ли, два аи, и детину
Отведут на гильотину.
А мамаша блещет в свете,
У нее другие дети,
За отменные устехи,
За невинные устехи.
Мать, сузай им злобети,
Покупает пистолети.

Безметельный лесод.

О вшивой романтике

Тов. А. В. ты пишешь: «Действительно, т. редактор, не сравнить вольную цыганскую жизнь с вольной будничной. Они всегда на свежем воздухе, они не связаны с нормами, станками и бумагами, они живут жить, как хотят».

Но как хочется чувствовать, как хотеть — это значит бродяжить без всякого дела. Тебе хочется вольной цыганской жизни на свежем воздухе. Но знаешь ли ты, что вшивая романтика цыганских кибиток и таборов выглядит сейчас очень жалко. Советская власть по-прежнему трудящихся цыганских общин от некоего гнета освобождает, от грязной и голодной жи-

зни, предоставляет им все права гражданства, наделив их землей, принося их на заводы. Из зажиточных, зажиточных налетов цыгане переселяются вместе с рабочими других национальностей в новые дома. Цыгане работают в колхозах, строят клубы, театры, овладевают социалистической культурой.

Ты пришел на завод недавно. Ты еще не проникся здоровыми интересами рабочего коллектива. Труд не является для тебя необходимостью, не увлечет тебя, труд не стал для тебя делом чести, делом славы, делом доблести и героизма. Поблизе познакомься с кадрами рабочих, с комсомольцами и партияками, овладей техникой работы, включись в социалистические сопе-

нование, итай больше, посейди комсомольские собрания, и бродяжьи настроения, не свойственные тебе, рубцовому подростку, отпадут.

Работа на заводе совсем не противоречит твоему стремлению быть на свежем воздухе и путешествовать. Наоборот, и свободнее приходишь молодежи заниматься в физкультурном кружке, участвовать в массовках рабочей молодежи, кататься с товарищами на лодке и даже путешествовать с провинциальными туристами. Если на предприятии все это не организовано, будь заступником организации здорового физкультурного досуга. «Смена» охотно поможет тебе в этом, как же, как и комсомольская ячейка твоего предприятия.

Последние приготовления окончены, все на своих местах. Подняв сплюснутые и хладнощипые Техники и мотористы в последний раз окликают хозяйским, внимательным взглядом свою машину.

Летчики в баках, улыбаясь, олукаютыми светодизайновыми очками лицом, сбавляют газ.

В ожидании общей команды все устремили взгляд на прованса кондэ. Воском отравляет глаза от секундомера.

Короткий взмет белого флажка — и сплюснотый рев привносит сильных глоток потрясает воздуху.

Человеческая реш. захлестывается гулом. Пыль вертепится вихрю стеной скрывает оставшихся на старте, оседает далеко в конце территории, покрывая росистую траву серым налетом.

Старт взлет... И эскадрилья роним, геометрии, чертит точным строем во главе с командиром илет, застала раскаленным диск солнца, поблескивая распластанными короткими крыльями.

Сегодня брательное учение.

Летчики показывают отшлифованность полета. Мастерство и точность высшего пилотажа и воздушного боя, стрельбу по воздушным и зеленым мишеням, бомбардировку.

Боевой самолет должен быть готов к бою.

Каждый винтик, каждая деталь должны крепко сидеть на своем месте и твердо выполнять свое назначение. В этом — залог безаварийности.

У приангарных домиков — доски сосредоточены. Это документы. Они ведут в историю.

Вот первый локот.

«Мы комсомольский экипаж N-ской авиационной — старший летчик Горов, младший летчик Жданов, моторист Синицын», — объявляет тридцать сегодняшнее учение — смерть со следующими показателями: железная дисциплина в воздухе и на земле; легкое увеличение задач учения; повторение приказаний и точное их исполнение; безотказная работа мотора; 100-процентное попадание в цель. Надо создать для Лиды условия, чтобы она могла забыть о своем прошлом.

Подписи: ст. летчик Горов, мл. техник Жданов, моторист Синицын.

Горов, Жданов, Синицын... Вся стена увешана маленькими листками, подписанными здесь же, на досках самолета. Там летчик голубой румянец за моториста, моторист — за летчика. В этом — залог победы.

Голубая пыла плавно поднимается по неравносит аэродром. Вот она, резко и уверенно развернувшись, бежит на старт...

„Рабочее нутро“

Ваня Кирилкин никогда не пил водки и не ругался. До 1932 г. он учился в семилетке, затем поступил в канцелярию одного из центральных учреждений в Ростове. Ваня остался в провинции, и он именуется был начать самостоятельную жизнь.

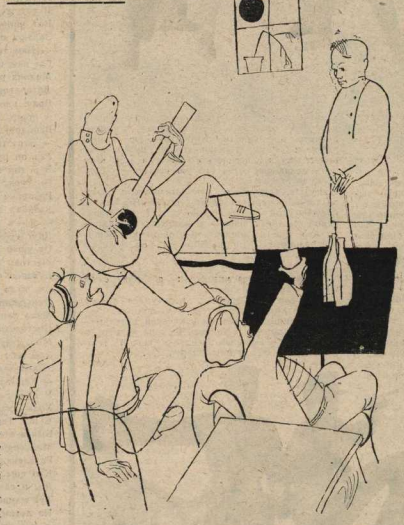
Поселился он в квартире сапожников-кустарей. Зарабатывал за неделю вперед за 6 месяцев по 15 руб. в месяц. Кроме него в комнате жили еще трое ребят, работающих в разных местах.

В компании этих ребят и пришел Иван Кирилкин пить и ругаться. И вот как он это объясняет:

«Сначала я нежелю ответил на их вызовки и не хотел участвовать в ежедневных выпивках. В ответ на это надо мной насмеялись, говорили, что я вшивая барышня и что во мне нет рабочего нутра. Это, признаюсь, меня очень расстроило, это, и в детстве стал таким же, как и они. Прошло всего 3 месяца, и вот история, которая произошла со мной, происходит с каждым паренком, пришедшим к нам на квартиру. Меня сейчас никто не отличит от моих сожигателей, и я вместе с ними посмелась ваял вперьяком, который не хочет с нами выпивать. Но иногда меня начинают одолевать сомнения: правильно ли я поступил и поступаю...»

Подавшись луждям вливания, на которые надо и лужно наделить вывеску «рабочего нутра», Кирилкин старался сойт с «рабочего, рубашу-шарину». Но он просто-напросто променял свою бестоварность и интеллигентскую слабость. Если бы на его месте был более стойкий парень, с настоящим рабочим нутром, он поступал бы по-иному: гн своих сожигателей и отдаче их от пявирой жизни. Мы знаем множество примеров, когда алкоголики, даже кокаинисты и чоп под влиянием большевистской бытовкой работы становились хорошими трезвыми общественниками. Здоровое рабочее нутро — это и есть стойкость и

Рис. Л. Соколов

борьбе с чуждым в нашей среде. Тов. Кирилкин вместе с новым жильцом его квартиры надо открыто выступил против водки и ругани. Но сделать это надо таким образом,

чтобы не на словах, а на деле противопоставил пьянке интересную книгу, песню, здоровые коллективные развлечения в клубе, в театре, в кино, на стадионе.

Они недовольны решением

Внезапно над Лидой Т. начал намешать водурги. Они не захотели проводить с ней время. Они прощали мастера привести ее из отдельного отделения.

Лидя теперь часто плакала. Мастер и секретари комсомольской ячейки заинтересовались этой делю, но ничего не смогли выведать у дядят.

— Погодите, — говорила сама бойка, — скоро все выяснится.

Оказавшаяся, девушка подзани на бюро ячейки заявила:

«Лидя еще несколько лет назад была проституткой. И вот сейчас она на производстве и в клубе «возвращает» всеми делами. Мы не знали до сих пор об ее прошлом, а сейчас узнали и с возмущением сообщим об этом для принятия мер». Девушки остались недовольны решением бюро. Никаким мер по отношению к Лиде принять не было. Наоборот, секретаря ячейки

принятый девчат, сказав, что их отношение к Лиде является мелкошесие. Мы можем гордиться тем, что к Лиде нужен особенно чуткий подход.

«Смена» приветствует такое решение. Мы можем гордиться тем, что приобщили Лиду и сотни таких, как она, к творческой революционной работе и к социалистическому быту. Надо создать для Лиды условия, чтобы она могла забыть о своем прошлом.

СТИХИ КРОЛИКЕ

Ночь отдава мною сегодня на слом
В разгаре июньского лета
Я звянт обычным своим ремеслом —
Простым ремеслом поэта.

«Товарищ поэт, превосходно я знаю,
Что несмотря на мой маленький вес,
В проблеме питания я занимаю
Одно из довольно значительных мест.

Ну вот изложила я как будто
вопрос свой, —
Об этом теперь напишешь
посильней!
Да так написать, чтобы кролиководством
Занялись бы в каждой рабочей семье.

Казалось бы, просто:
подумай, затем
Пиши —
от загавья
до точив.
Но мучит меня
Изобилие тем,
Которые просится
в строчки.

Но почему не сегодня,
так завтра
В размере, ну скажем, хотя бы
сτροφич
Не описать наш кроличий
завтрак
Из нашего лучшего блюда —
травы?

... Вы чуткий...
недаром я к вам заглянул.
Не скорчите брезгливой гримасы, —
Я вижу, — вы поняли всю глубину,
Всю важность проблемы мяса.

Пока, размышляя,
Гляжу я на зверь,
Опершись локтями
о столик,
Бесцельно ко мне
приближается
«зверь» —
Хорошеший зеленый кролик.

Забота о кролике —
это не бремя.
Хотя безусловно —
она не подарок,
Зато сколько кролики
ковят вам времени,
Которое гибнет
в хольбе
по базарам!

Мне кажется,
нужно отметить
бесспорно
Понутно с вопросом
о кроличей пище,
Что кролик не любит
ни грязи, ни сора
И чистоту обожает
в жилище.

А вы непременно
в какой-нибудь час,
Припомнив о нашем свидании.
Черкните стихи иль поэму
о нас,
Пока же — всего,
до свидания!
... Он кончил —
и в окна струнлась
рассвет.

Как это ни странно,
без всякой боязни
Направив в меня
свой настоящий
взор,
Садится на стол
и со мною
завязывает
Исключительный разговор.

Две матки...
Крольчатник.
Немного ухлады.
И результат очевиден и ясен:
Не дольше, не дольше,
как через полгода
К обеду у вас —
первосортное мясо!

В боку от усталости —
коляки.
Гляжу... Никакого здесь
кролика нет,
И лишь в предрабачной
предугнетенной мгле
Лежат предо мною
стихи на столе.
Вот эти —
«стихи о кролике».

ПЕСНЯ О КАВАЛЕРИЙСКОМ ПЕРЕХОДЕ

И не рано
И не поздно
(Даль в серебряной пыли)
Во главе цепи обозной
Мы коней своих вези.

По сугробам рыскал,
Мундштуки гмыз,
Шла кавалерийская
На постой гроза.

Конь к есню —
И с ними рядом,
Похватив их под уздым,
Снежным брызнув нарядом,
Шли в сапожках молодцам.

Все бедовые ребята,
Над губою — свежий ус,
Год рождения девятый,
Удивляться не чему-с!

Уж стужал сапогами,
В пору землю прошибить,
Снег скрипучий под ногами,
А иначе, как же быть?

Кони ждали и мотали
Головами кождый раз,
Как сговору тому
Родные дали
Различал их темный глаз,

Там их праные кормушки,
Счастье — шелестом овса.
(Часового у избушки
Света метит полоса)

По сугробам рыскал,
Мундштуки гмыз,
Шла кавалерийская
На постой гроза.

Кони завели от пара,
Снег им выбежал хвосты,
В нас и то
Стрельно яро,
Разукривши и ты!

Мы брели
С конями рядом
(Наши седельца туги) —
Звон стремичный
Да привалом
Легкий стук
О сапоги.

Снег такой,
Что конь устанет,
Если всадника возьмет,
Потому нам предписанье
Делать пеньи переход.

По сугробам рыскал,
Мундштуки гмыз,
Шла кавалерийская
На постой гроза.

Вот где
Коников жалели,
Как товарищей родных!
Хоть пагали сами еле,
Не навьючивали их.

Нами ли была забыта
Эта заповедь:

— Обещ,
Ты коня свое не выдай —
Конь не выласт под коней!

Конь свою доводит дружба
И на зло твоим врагам
Он тебе сослужит службу,
Как винтовка и паган!

Стало фонарным,
Свет янтарный
Был в галзах,
Шагачь лишь раз...
Перушки шли попарно,
Тишиной встречая нас.

По сугробам рыскал,
Мундштуки гмыз,
Шла кавалерийская
На постой гроза.

Слоны в Комсомоле

РЕШЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ—В МАССЫ И Т. Д.

На комсомольском собрании, посвященном членским взносам, присутствовал представитель района г. Жлобо. После того, как с первым вопросом было покончено, один из комсомольцев сказал:

— Ребята, давайте попросим Жлобова рассказать нам об основных решениях VII всесоюзной конференции комсомола.

Жлобов почувствовал себя тревожно. Изю всех

ответов о конференции он запомнил только приветствие товарищеских и слова Косарева о планшитах.

Через два дня Жлобов пролез районного председателя, но везанно он восприимчив духом и подвизал с места, самоуверенно улыбаясь.

— Товарищи,—заявил он,—для меня не представляется особым трудом рассказать вам о конференции, но... это ведь смешно: на пятнадцатом году револю-

ция рассказывать комсомольцам о решениях, которые безусловно всем известны. Только опортунист может не знать...

Никто не просил больше Жлобова выступить на собрании. Все сидели на своих местах с таким видом, будто каждый мог сделать восьмичасовой доклад не только о VII конференции, но даже о восьмой.

Е. Ожурнев

ЖАН КРЫЛОВ

«Но отступит улетиться товарищам формам культуры... а нужно войти в общество дядь А. Косарева»

Рис. Сойфертиса

— К чорту, к чорту груз веков,—

Заявил Иван Крылов.

— Надо будет поднажать

И культурность показат!

Голову склонив слегка,

Напева: «Пока!»

А из-под воротника

Выползла блоха.

— Гм,—сказал он,—кескесе?

Ваял Альфреда де-Мюссе,

Ногу подожил на стод,

Вырвал несколько листов

И—культурно пленен—

Вытер туфан он.

Грязь вину, а сверху—доск,

Вышел в город Жан Крылов,

Курсы лихо пропустил:

Он в Мосторг спешил.

Принял Жан культуры скверну.

Сузил так культурность он:

Брюки—шириной с цистерну,

А в мозгу лишь патефон.

Маркхиди Лорье

«Брюки шириной в цистерну,
А в мозгу лишь патефон»

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

В гости к пролетарским спортсменам г. Лавренца приехали московские физкультурники. В тот же вечер организовали дружескую встречу боксеров двух городов. Первая пара, приветствуемая аплодисментами, вышла на ринг. Представитель Москвы обратился с речью к публике. Закончил он очень эффектно:

— Оздоровление трудящихся— вот цель и лозунг советской физкультуры.

Бой начался. Московик наседа. Боксер Лавренца защищался.

Уже к концу первого раунда он шатался. Обгоревший братской кровью, москвич чувствовал себя больно.

Во втором раунде противники поочередно вносили друг на дружке и обменялись рукопожатиями.

Третий раунд начался в угаре. Оба большую часть времени лежали на земле. Судья яростно поглядывал на часы.

У москвича хватало сил на решительную атаку. За минуту до окончания раунда он нанес два тяжелых удара и, обессиленный, пошел на барьер.

У лавренца боксера сознание скверилось с полусонным. Тезо его гулко ударилось в жесткий ковер.

С топ победленного сорвался протяжный стон.

— Странно за илею оздоровления трудящихся.

Е. Ожурнев

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТРЫВА

(К сожалению не резан)

Рис. В. Брискина

Стихи А. Жарова

— Товарищи, знаете, Соня Петрова, работает здорово, чтевое слово. Но что ее дела, по-моему, уже ДАВАТЕ ПРИЗНАМ ЕЯ ДВАДЦАТ НАГРУЗОК. — Да что вы, ребята?

Да значит ли сила? Но секретарь отвечает не без пыла: — Вот замаскировалась. Вот завалячилась. ДВАДЦАТЬ ПРИЗНАВИТЬ, ЧТОНЫ НЕ ИЩАЛ. С работой, товарищи, Соня Петрова,

Совсем не справляется, чтевое слово. — Но вот для Петровой. Но вот для Петровой. ПРИЗНАВИМ ДА ЭТО ЕЯ ДВАДЦАТЬ НАГРУЗОК. — Да что вы, ребята. Увольте, прощай. И так от нагрузки в себя даду.

Было написано, отбросив совещание. — ПЕТРОВА В УПАД. НИЧЕГО НЕ ОТСТРЕНЫ. НАГРУЗКА НА ОТСТРЕНКОЮ НАГРУЗКА. РАБОТА ПЕТРОВОЙ ВУЗНА, КАК ДАЕ КАРТВО.

ИНАЧЕ ПЕТРОВА—СО-КОМУ ОБУДА... ПРИЗНАВИТЬ ПЕТРОВОЕ ПОСОБИТИ НА ГРУЗКА. Нагрузка к нагрузке присоединилась. Петрова усталась, но все же старалась.

Она в заблуждение нагружене термиса. — Это же, дурачок, от Петровой отсталось? На глаза, ни мысли, ни ботинки, ни ботинки... Остал лишь, нагрузка, нагрузка, нагрузка.

Было написано: «НО-ТИЛА ПЕТРОВА В итоге отдала, чтевое слово... Мы виноваты... Мы промаршировали! Мало работ в нагрузку, нагрузка».

Когда горячее солнце ушло за вершины гор и бледный свет красноватой лампы очертил контуры сидущих близкающих делегатов 2-й баунгабадской комсомольской конференции синьков записавшихся в пренных подходы к концу. За столом предвзвимо подвизывалась всякая фигура Ташубат Хантова. Он молчал. Вечерний ветер колебал в его руке лист бумажки. Глаза делегатов конференции устремились на этот лист.—Что в нем было, почему молчит Хантов?—спрашивала себя делегаты.—Неужели пришла встаря тревожная телеграмма с хлопковых полей.

Но предположение о новой тревоге на хлопковых полях не оправдалось. Поздней лист бумажки Хантов сказал: «Слово имеет т. Хадича Иргашева...»

...10-летнюю дочь батрака Иргашева составили за старика Байи-хана. Мысли о скором замужестве заставляли бегать ее из дому, но мысли матери гнали обратно. Молбы не отдавать замуж—ник к чему не привели. Два жирных брата, инак и потрепанная ковра, с одной стороны, и безмятежность с другой оказались сильнее молбы родителей.—они редили судьбу 12-летней рыдающей Хадичи.

Не долго пришлось жить Хадиче с Байи-ханом. Время взяло свое. Старик вскоре умер. Тогда 14-летняя Хадича, уступая уговорам родителей и втерев в старца старинную, решила вступить в комсомол. Это было в 1924 году. Затем наступили дни переделки и учебы в Самаркандском педагогичеком, работа по ликвидации неграмотности, преподавание в ЦКМ, комсомольская работа...

— Товарищи!—начала она.—О работе среди девушек, о том, как мы вовлекаем националок в комсомол, инто не говорю. Это плохо, что говорит о нашей неинициативности в комсомольской работе среди женщин. Я хочу вам рассказать о том, как пришлось нам работать в Паланском кишлаке...

Тогда поздно кончили бюро райкома комсомолом. В ожидании асшиков, райбюро комсомолом поручило землю, ржаки привязанные лошади. Они были оселаны, а сзади делали аккуратно сложенные ящики. Лошадки было 4—5 в ряды, а впереди стояли кизилы, каштаны, колхозных и совхозных явек присутствуют на бюро, намечая план подготовки к обмену комсомольских билетов.

И тут вновь бюро решило: «Прикрепить к Паланскому кишлаку Сарпайтагского дамгатага¹ т. Иргашева».

В Паланском кишлаке было трудно работать. Большой кишлак, имеющий много молодежи, в частности девушек, был беден молодыми большевиками. В нем было лишь пять комсомолов: Улагот Хедирова— первая девушка зав. райнаркодедом и Ахраров—кишлякый лидер. Вместе с ними Иргашева стала осторожно ломать некоторые устои порабощения и угнетения женщин.

Начали с главного. По кишлаку гласшат обвинения: «Сегодня, когда красная полоса заходящего солнца окутывает небо, все девушки должны собраться у колона на собрание. Ходит Иргашева делает доклад о том, как нужно сейчас жить женщинам».

Объявление переходило из уст в уста, скоро о нем знала весь кишлак.

Много собралось девушек, много пришло пожилых женщин, пришли старухи, чтобы услышать большое слово. Всех их интересовало, что скажет Иргашева, что нужно делать?

На собрании не сразу начали призывать девушек и молодых женщин вступить в комсомол. Знали, что нужно начинать не с этого. Напомнив собравшимся о том, как раньше жилось женщинам, почему молодую девушку насильно отдавали замуж за незлобимого, перещивая преимущественно женщины советского Востока, Иргашева призвала всех собравшихся явиться сообща за свое раскрепощение и за строительство новой жизни. Она рассказывала девушкам о работе комсомолов, о том, что, будучи в его рядах, Имат, Сарпайт Хедирова и другие станут иными, они больше научат понимать, их сделают «большими людьми».

После доклада спросил: «Ну, девушки! Кто хочет вступить в комсомол, кто хочет вместе с нами хорошо работать, пусть тот подымет руку». Тогда поднялось девять рук, но они дрожали, в них не было уверенности, они бы-

ли готовы каждую минуту опуститься под упорными взглядами присутствующих делеган¹.

Так была организована в Паланском кишлаке первая комсомольская ячейка, секретарем которой стала Улагот Хедирова.

У Курбанова две жены. Но ведь он активист, а советская власть ведет решительную борьбу с многоженством, это хорошо знает Курбанов. «Но как же быть?—спрашивал он, ведя их из любви».

Любовью он думал прикрыть свое многоженство, неравенство, господство мужичины. Курбанова ежедневно провозили немолвые взгляды делеган, но все отчаянно видел и знал, что дальше так быть не может, его поступки не одобряют делеканы-колхозники, не одобряет дамгатагский актив, скоро о нем узнают в районе. И тогда он решил обмануть бдительность делеган, якобы развестись со старшей женой, оставить у себя младшую. Расчет хитрого Курбанова был верен. Он означал: «Нужно развестись со старшей женой, но это будет справа загла, но она останется жить у меня в кибитке, пусть попробуют доказать, что она мне жена».

Вечером, когда Имат, сидя на короточках, осторожно переыстывала листки комсомольского билета, в комнату вошел Курбанов. Он был чем-то огорчен, недоволен. В кишлаке она сказала, что Имат получила «новую» кишлаку, стала комсомолок. Тогда маленькая князика Курбанова заторесил, ноэдри широко раздувались. Комсомол вырывает у него Имату. «Нет,—сказал Курбанов,—Имат не будет в комсомоле, я выдурюсь ее хозяйном, и ее поженить и больше никто».

—Что у тебя в руках за книжка?—со злобностью спросил Курбанов.—где ты взяла ее? Бети, бети бистроты дамгатага из приютного дома, встретившего тебя любовью и уютом, в пасть к шайтану.

Она неподвижно сидела на ковре. Ее испу-

¹ Крестьян.

ганные глаза беспомощно смотрели на разгневанного человека, а тело ожидало удара. Но Курбанов не стал ее бить, в нем исчезла злоба, а язык перестал выбрасывать замысловатые проклятия, он заговорил другим языком.

—Пойми, дорогой, моя любовь и преданность к тебе—велика, как путь к Аллаху. Мои глаза хотят видеть только тебя, а уши слышат вечно твой голос. Как же ты осмелился пойти к ним без согласия мужа! Или тебе надо сидеть на мягком ковре и пить ароматный коф-чай, или тебе не мил уют ливны, а тело жаждет лучей знонного солнца и раскраснелых буздыничков городской мастовой, где не может пройти в полдень вербадо! Ты знаешь, это билет тебя свяжет, тебя увезет в Сталинабад, посадят за книгу, будут много учить и ты станешь русской. Опомнись, Имат!

Имат была покорена. Агитация Курбанова оказалась сильнее нашей. Она готова была сделать все, что ей скажет Курбанов. Вот почему Имат спросила: «Что же мне сейчас делать?».

И этого жаждал Курбанов. Он хотел вырвать из рядов комсомолов не только Имату, но и остальных честных жен делеган Паланского кишлака.

«Пойди, поговори с другими женщинами, получишь эти книги», Рассказал им, что нас всех увезут в Сталинабад, сделают русскими, если вы будете иметь эти книжки. Пойдите вместе к учителю Ахрарову и скажите, чтобы он написал в райком заявление о том, что вас силой заставили пойти в комсомол, вам угрожали, но вы не хотите быть комсомолками».

В этот вечер Имат не пошла на собрание комсомольской ячейки. Утром она пробиралась вдоль раскраснелых дневным солнцем двуров², она шла к кибитке учителя Ахрарова. Но Ахрарова не было дома, не было долго. Напрасно Имат, выждавшая из-за угла, напрыгала зренье слух, стараясь уловить шаг фигуры учителя. Кругом было тихо, темная ночь скрыла рядов протекающий арык. Но Имат ждала, ждала долго. Уйти ни с чем?—Нет, так нельзя. В памяти вставал верхний ветер и гнев мужа.

Из ночной темноты выросла фигура. Человек вырос у кибитки, он хотел пройти во двор, но кто-то сильно дернул его за рубашку. Человек повернулся. Это был Ахраров, рядом с ним сидела Имат.

² Глиняных заборов.

у левостанские комсомолки—борцы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов; слева направо: т. НЕР, нузачек, секретарь комсомольской ячейки колхоза им. Ленин, т. СУЯРОВ, снр. ном. яч. колхоза им. Янш-Момандит и АР-БАЕВ—снр. колхозн. яч. «ИНБЕКШИ»

Б. ИРИНСКИЙ

Александр РЕШЕТОВ

Рост молодых советских поэтов, насчитывающих всего несколько лет творческой работы, но уже много успешных, блестяще опровергающих «противоза» о «забываемом кризисе поэзии», о ее якобы неужности в дни напряженного социалистического строительства. Рабочий класс, комсомол выдвигают новые и новые кадры молодых поэтов, тесно связанных с борьбой пролетариата, жизненных межколективной раздвоенности, упорно преодолевающих влияние межколективной идеологии — а именно, индивидуализма.

Молодые пролетарские поэты аинши стремятся в какой бы то ни было степени отделить себя от класса, поставить себя «над ним»: поэтическим оружием они продолжают борьбу за победу социализма, за выполнение поставленных партийных задач. Словно и рядом они не овладели поэтической техникой. Словно и рядом их мировоззренческий уровень еще очень низок. Однако лучшие из них ведут повседневную кропотливую работу над собой, и это позволяет ожидать от них значительного роста.

К таким поэтам младшего поколения относится молодой комсомольский поэт Александр Решетов. Первая книга его стихов «Так мы живем» вышла в 1931 г. Эпиграф к ней: «Коллективу комсомола моей третьей гостабрички посвящено».

С первых же страниц книги вырисовывается лирический субъект творчества Решетова — молодой рабочий-подросток, воспитанный комсомолом.

— Парень из наварских рабочих ребят.
Из тех, кто по зарпке к трамваю спешит.
Нам вместе в молодежные годки
Фабзауч впервые вручал молотки.

В прозлом — фабзауч, ячейка, стенигазет, сверхурочный ремонт, трудовая явля, учеба. Достижения, достижения и славы комсомольца. Их не застилает покров межколективной романтики, влияние которой болезненно чувствуется в творчестве многих современных поэтов. Решетов жужд раскрасив, но точно по прозному, наты: «ах, почему и не родился на баррикадах». Он сознает сложность современной обстановки, сознает остроту классовой борьбы в стране, gerekir стройки.

И чем же в сущности не бою?
Страгоам, режем, роем,
Луломо, сердеша и рукою
Назависшия Тракторстроём.

В некоторых стихах действительность дана Решетовым упрощенно, наивно. Однако в ряде стихов он подымается до осознания противоречности действительности, осознания больших трудностей и путей их преодоления, и это отнюдь не отвлеченный пафос.

Взять хотя бы излюбленное комсомольскими аудиториями решетовское стихотворение «Мистер Райт» (1930 г.). В стихотворении дан образ инвентарного специалиста, работающего у нас, который «по славу хозяина трусится тут, чтобы повисеть в собственной славе. Рядом с ним работает рабочий-партиец, настоящий ударник. У рабочего нет папирос, «ему нехватит и той, что в папкевой полднее ему портретом. Но рабочий отказывается от папироса, которая в руках Райта демонстрирует «торжество толстух», эволюционно бросая:

Мы не только не докурим,
Мы научимся и не донсать,
Трудности — трудности роста, ведущие к преодолению их:
«Мы не докурим» становится фактом.
Чтоб с этим же Райтом (но «мистер» — иронично).

Найдем славою — тяжелой, как трактор,
Америку заново переплывать.

Так называемые «вечные проблемы» осмысливаются Решетовым с точки зрения пролетарской идеологии. Любовь понимается не в идеалистическом, не как самолюбивое чувство, а как связь на основе дружбы работы в коллективе.

Почему Александр Решетов писал, почему он в несудорожном, разве впервые он видит у своей кибитки Имату? — Нет, Имата не раз была у Ахрарова с подружками и никогда комсомолец не был удален ее присутствием. Но сегодня Ахраров был поражен. Везде на собрании сказали, что Курбанов запер и держит Имату, не разрешая ей выходить на улицу.

— Погиде в кибитку, — тихо сказала Имата, — выйдите мне заявлении в райком, не хочу я ехать в Сталинабад, не хочу покидать кибитку, пусть заберут книжку, мне ее дали недавно.

Ахраров не верил своему слуху. В памяти его выросли дни первого собрания, где, сая-

ФАТИМА — молодая ударница табачной фабрики в Ташкенте, вступившая в комсомол.

дья примеру Имату, васьх — подполос 8 рук: «Хотим быть комсомольцами». С тех пор прошло 15 дней, вчера утром новички получили комсомольские билеты, а сегодня перед ним Имата просит: — Нет, этого не может быть, все это несерьезно... но рядом с ним стоит Имата и просит: «Пойдем, напши заявлении!».

— Увиди — гневно крикнул Ахраров и скрылся в черноте ночи.

Облизывая оставшиеся на пальцах капли соуса, Курбанов не переставая напоминал Имате о «плохой книжке», Сталинабаде и горячей мостовой. Курбанов был зол. Язычки дехкан могут достать все до района, и тогда... а этого он не хотел. Усрадой он рыл почву, приготавливая ее для новых посевов, всходы которых сподвигли к тому, чтобы выбрать молодую жену из рук комсомола.

— Этот молодой шивак думает, что я не найду выхода, не сделаю задуманного... со злостью выкрикнул Курбанов. — У него в голове так же мало ума, как и у моего, а он пробует равняться с Курбановым. Нет, Ахраров, Имата не будет в комсомоле, этого не хочу я, мне нужна жена, нукая хозяйка.

Насытив тугулице в сторону Имату, Курбанов прошипел: «Завтра, когда проренет шивак и дехкане приступят к дневному труду, ты должна пойти к Абдулаеву и попросить, чтобы он напши тебе заявление».

Два рубля, отданные Абдулаеву, сделали свое дело. Человека, для которого было безразлично, для кого что сделать, лишь бы заработали, напши. Имате заявление, полное клеветы, нападков и просб. Отсчитав шесть километров, Имата пришла в райком комсомола для того, чтобы положить на стол секретаря новый комсомольский билет.

Ходича Иргашева закончила свое выступление, напоминая, что таких, как Имата, в районе много.

Почему Имата оставила комсомол, подыша угрозами и агитации мужка? Почему Имата свернула с прямой дороги?

А потому, что мы ограничивали очень малым, мы вывели Имату на большую дорогу жизни и оставили ее после этого без помощи и поддержки.

Бауманабад. Таджикистан.

Александр Решетов

Главный аргумент «любимого» таков:
Мы с тобой под одной крышей
В разных комнатах
Разом встали,
Бой часов одинаково слышим,
Призывающий нас на подём.

Таким образом лейтмотивом этого лирического стихотворения является труд.

Показателем коммунистического отношения к женщине является и стихотворение «Лирическое нытье девушке со «Светланы» (1932 г.). Поэт обращается к передовой бригадирше-ударнице, образ которой навеян на него не абстрактными романтичными мечтами, а личным опытом, полученным на заводе «Светлана»:

В замочке,
Как садится тобою,
Я, тебя не видел,
узнаю.

Правильно трактуется Решетовым и отношение между поколениями пролетариата — «отпими и детьми» (стихотворение «Молодость», 1929 г.). Авангардизм органически враждебен ему, он осознает общность дела, которое творит старшее и молодое поколение пролетариата:

Я верю за выработку, за победу
И в мою в молодость отцов и матерей.

Все это является достижениями творчества Решетова. Его рост очевиден. Он многое сделал, работая над своим творчеством, но это многое является малым по сравнению с тем, что ему еще предстоит сделать.

Эмпиризм — большой порок творческого метода Решетова. В ряде стихов, особенно написанных в 1928—29 гг. («Битвенки на табачной», «Бессонная», «Бойня», «Колхозная почта» и др.), он пассивно регистрирует факты, не осмысливая их, не выделяя ведущей тенденции. Это по крайней мере недостаток творчества Решетова, который в его творчестве в особенности это сказывается в стихотворении «Юнонция наших садов» (1929 г.).

Поставив себе задачей в этом стихотворении показать кулака, Решетов не справляется с ней. В этом путанном стихотворении он фиксирует внимание на внешних деталях, но не раскрывает классовой сущности Никифорова — владельца садов. Нам ясно характерные черты лица дорота и пр. Читателю несюно лишь — для чего это все нужно в стихотворении, так как оно лишено ведущей идеи.

Эмпиризм особенно характерен и для стихотворения «Колхозная почта», написанного уже в 1930 г. Детально описываются петухи, куры, зиньяя дорога и пр. Читателю несюно лишь — для чего это все нужно в стихотворении, так как оно лишено ведущей идеи.

С эмпиризмом тесно связана и поверхностность в изображении действительности.

Однако у Решетова велико все возможности преодолеть недостатки своего творчества. И мы вправе ждать и требовать от него ценных произведений о комсомоле.

УЧАСТНИКИ КОНКУРСА

Конкурсы на лучшее художественное произведение, которые начинают входить в практику заводских газет и молодежных журналов, — это одно из звеньев социалистического соревнования как системы социалистического труда в нашей стране.

Конкурсы устраивались и раньше, объявлялись в буржуазной печати, но там они имеют совершенно другое значение: там это — сенсация и игра. У нас, в советской и рабочей печати, это дело великой коллективно-трудовой важности, дело серьезнейшего творческого устройства и осуществления огромных культурно-политических и хозяйственно-производственных задач.

Заводская печать у нас крепко и неразрывно связана со всей системой социалистической стройки и с процессами создания социалистической культуры. Рабочие заводские газеты — это могучее завоевание Октября, а количественный и качественный рост их — это признак политического, культурного и творческого роста рабочих масс.

Выдвигаются и формируются новые кадры журналистов и писателей из толщ рабочей массы. Поэтому объявленный редакцией газеты «Электронров» и журналом «Смена» конкурс на лучшее художественное произведение свидетельствует о том, что рабочий-литератор вырос настолько, что пора уже к нему предъявить более высокие требования, чем раньше.

Каким условиям должно удовлетворять художественное произведение, чтобы выдержать испытание на конкурсе? На мой взгляд эти условия таковы:

1. Размер стихотворения, очерка, рассказа и т. п. должен быть небольшим. В слесарном, спрессованном языке должно быть что и тесно словом, но эмисия прогресса. Надо учиться писать коротко, кратко, с правильным выбором ударных слов. Нельзя разбавлять слова: это будет те же невразумительные и убыточные расходи, которые бываю на заводе при плохих трудовых процессах.

«Смена» вместе с редакцией многообразия заводов «Электронров» и литературным кружком этого завода организует литературный конкурс на лучшее художественное произведение. Задача конкурса — расширить творческое сотрудничество среди начинающих заводских молодых писателей и помочь в овладении ими основами марксистско-ленинской теории и литературной техники.

Основное требование к конкурсным работам — глубокая идейная насыщенность и высокая художественная прозаичность. Лучшие работы, одобренные жюри и вошедшие в сборник ст. Федоров Гладковым, и будут начаты в «Смене» и премиями.

Конкурс продлится до 15 октября. В течение этого времени на заводе будет работать литературная консультативная «Смена» и ГИХЛ для систематической помощи участвующим в конкурсе. Ряд литработников взял на себя обязательство по повкуре и присутств. в работе. Творчество их, начиная с этого номера «Смены», критически разбирается на страницах «Зурнала».

В конкурсе участвуют также московский завод «Лен», «Смена» призывает к участию в конкурсе литературные организации других заводов и творческие объединения молодежных писателей.

2. При относительно маленьком размере художественного произведения надо достигнуть наибольшей яркости изображения, наиболее четкого рисунка, наибольшей силы воздействия на массы, чтобы произведение запечатлевалось в памяти надолго, чтобы о нем говорили, чтобы оно волновало и било нервника. Для этого нужно пользоваться всем богатством языка своих масс, наиболее удачными и яркими словами и определениями. Меньше всего нужно пользоваться языком газеты и языком присяжных ораторов, — языком штам-

повочным и тусклым. Каждое слово должно трепетать, играть, жить. Каждое слово должно быть полнокровным, впечатляющим и веским. Слово — это удар, но удар не вступают, а по силе, без прищипки, без притупления.

3. Оригиналь и изображая процессы труда, машины, материалы, их на минуту не нужно забывать, что все эти процессы и вещи являются только орудием в руках человека. Надо процессы и вещи оживлять, орачить краснотой и чудесным мозгом человека.

Искусство имеет дело прежде всего с человеком во всех его проявлениях. Борьба за достижение цели, борьба с препятствиями, выделение из суматошного мира, страдания от неудач, радость от успехов и побед — все это славные функции человеческого труда. Поэтому важна зарисовка портретов рабочих-рационализаторов. Очень полезно научиться писать такие портреты у М. Горького.

4. Наше искусство — это орудие борьбы и создания, это предложение в голове человека в форме образного злого бытия. Но это не только наш настоящий день, повседневность, но и устремление в будущее, наше продвижение к идеалам коммунизма, к идеалам. Поэтому не только рассказ, но и очерк, и стихотворение, и любой вид художественного произведения должен быть насыщен этой ленинской мечтой о будущем, т. е. должен дышать наивным заветным идеями и идеями борьбы. Меньше эмпиризма, голого факта, голого бытия, а больше коммунистической сопричастности. Рост человека, цельность, скульптурность его фигуры — не только в том, что и как делает, но в том, что больше в том, во имя чего он делает. Тогда и качество его работы, изобретательность его труда превращаются в подлинное творчество.

Вот главные моменты мысли к предстоящему конкурсу. Я думаю, что если произведения будут удовлетворять этим основным наметкам, рукописи будут интересны и конкурс будет содержательным и ярким. Пусть как участники его, так и рабочие читатели.

С. МЕРЛИС
и Е. ЛАНДАУ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕНА

О Л Ъ Г А

она не помнит, но скоро в заводской газете Зайкина стала засветается. Она писала обо всем: о молодежном цехе, в котором была секретарем комсомольской ячейки, об обслуживании рабочих в обеденный перерыв, об ударной бригаде и соревновании. Писала заметки, стихи и прозу.

Вот одно из ранних стихотворений, приведенных ее в литкружок:

СИГАРИЦА

Гудок, четко отчеканенная табель.
И пинцет метнулся по цеху к машине.
Рукой ползала любовно кабель,
Засмеялась глазами, улыбой синей.
И тогда уже раздвинулся, надел дугой.
Нахмурился на голову красный датумок.
Еще раз оглядела пылито нагой,
Готово ждала второй гудок.
Запумела машина, ожив жвадой гайкой,
Ползла по рельсам, дождик дондевался жил.
А с ними двинулась серебряной спайкой
Кабель аннатуи мысль закнуту...

Она писала стихи о зайке, об обмене комсомольских билетов и о многом другом. О ней удавались ей плохо. На литкружке ребята зловременно критиковали, но она упорно продолжала писать. Тогда же звучало удавалось прозу. В очерке «Штурм» Зайкина толково изложила историю ликвидации прорыва по «фасонке». В очерке много действия, живой диалог, но люди отпадают друг от друга только по фамилиям. Зайкина еще не научилась лепить образ.

Как-то зимой она дала литкружковцам прочесть рассказ «Тай балло». Собственно, это был не рассказ, а три зарисовки: рождество, богушество, драка пьяных и название пияни-

цей-мужем беззастенчивой жены с ребенком. Зарисовки были сделаны кратко, живо, но не вскрывали ни классовой сущности режени, ни социального лица героев. Совершенно инертное рассказе. Когда ей сказали об этом, она очень огорчилась, начала оправдываться, что написала смуху, предвзяченала для стеньгазеты, а не для широкого публиканства, а потом, разобладившись, аконем с горечью сказала:

— Критиковать-то легко, но вот лучше не учите писать.

После этого она все время отдала в литконсультацию ГИХЛ. Так и было сделано.

Работая, Зайкина одновременно училась на вечерних курсах ЦВРЦЗ и, окончив их, перешла в бюро районного комсомола. Там ее выдвинули на работу в редакцию заводской газеты. Так от станка и катушек сигарного цеха Лелька перекочевала к столу и чернильнице. Совсем недавно в литрассе газетной редакции «Электронров» был помещен ее очерк «Переход на завод». В нем Зайкина неплохо раскрыла переживания молодой работницы.

Зайкиной удалось много и многому учиться. В первую очередь это касается ее освоения марксистско-ленинской теории, изучения Маркса, Ленина, Сталина.

Она активно включилась в литературный конкурс, в своем объявлении так написала: «Заводская молодежь ищет творческих людей, осмелит работу и те трудности, которые приходится штурмовать нашим изобретателям, чтобы прожить в жизни свои предожения, осуществление освобождение завода от импортной зависимости. Я тоже попытаюсь взять на себя эту немаловажную задачу и обязуюсь активно участвовать в объявленном журналом «Электронров» конкурсе на лучшее художественное произведение.

ЗАЙКИНА

Вы хотите знать, кто такая Ольга Зайкина? Она — ее суужающий-железнодорожник. На завод Зайкина пошла сразу после семикласски.

«Когда Лелька зашла первый раз в цех, она была на минуту огорошена и не находила себя. От огромного шума она ошалело мечущаяся по детской сигар, от рыбы вертящаяся в них катушке, казалось, голова Лелькина расплывалась и неизмеримо большими стали уши, нахвывая-пролету шумом работающих моторов (Ольга Зайкина в ЦВРЦЗ работала в редакции газеты «Электронров» № 29 от 2.VI — 1932 г.).

Постепенно она стала приглядываться и учиться. Однажды, когда вечерняя смена со стояла на нее одной и никто ей помочь не мог, она решила работать самостоятельно. С трудом научилась она не врать проволочку, спаявать обрыв и запустать машины. В этот день Лелька впервые почувствовала себя «самостоятельной работницей».

Что толкнуло ее написать первую заметку,

ВАСИЛЬЕВ

За маленьким покатым столиком в обмоточном кабинете, стоя, заводской поэт Николай Васильев. Он — четкий, его задача — утилизировать продукцию. Он пишет не только книжками, но и стихи: пишет и за этим столиком в обеденный перерыв, и в столовой, и в редакции, борючись их находку, возвращаясь к работе в измаленький жесткий домик у Горобатовского моста, где живет вместе с женой и теткой. Приехал из деревни, он работает на стекольном заводе им. Уханова. Теперь вот уже второй год здесь.

Тематика его стихов разнообразна. Он пишет и о безработице на Западе, и о классовой борьбе на селе, о борьбе за урожай, о заводе и о любви. Есть у него и декларации на литературные темы.

В заводской жизни он не слишком активен. В стенгазете его не знают. В заводскую газету и литкружок удалось затиснуть парня с трудом. Он — комсомолец, но денег не мог собрать встать на учет в заводской организации и чуть было не прозвал обмена комсомольских билетов. Он склонен жить по формуле: «ты — чужа, живи один». И только в последнее время у Васильева наметился некоторый перелом к обществу (в частности к литературе).

Пройдешь по строкам Васильева, которые издаются десятками в различных периодиках и ведут к изданию отдельной книжки в «Огоньке».

Первое, что бросается в глаза, это — большая декларативность, вымученно произнесенные изречения, недостаточная продуманная. Стихотворению «Начало» сильно вредит вот такое начало:

«Товарищ читатель! Сегодня я и признаю С пером в бумагой шагать к социализму... Только ли шагать, а кто же строить будет? Если отступить это начало, то останется непонятно, эмоционально насыщенное, передающее пафос Октябрь, стихотворение. В нем автор показывает пролетариат выросшими и многому научившимися со времени первой революции.

«Люди пришли на дворцовую площадь. Пришли не с молитвой, пришли не с поклоном,

Не с царским портретом, не с мертвой иконой. Пришли не за тем, чтоб, как в питом, уступить,— Пришли рассчитать «сенародному» иасть».

Необходимо, казалось бы, сделать здесь вывод об усилении влияния большевистской партии на рабочий класс. Но ни в начале, ни в конце «Начала» показана партия чет. Благодаря второму Октябрьскому восстанию рисуется как стихотворение.

В «Валзде о безработице» не дается конкретная историческая обстановка. Ведь и раньше безработных «голод хватал за шею». Чем-то безработица Жюльозов. Кому-то она не сумел показать, что безработица в капиталистическом мире стала массовым явлением.

В поэме Васильева «Как вырастет дом: соревнования вырастет по словесному подсказу прораба с предместником. Известно, что даже рич, хоть и вырастет в воле, но корнями держится за землю, а у Васильева спонсоризованная вырвется из воли разгаторов. Кому-то го рабочих Васильев делит на стариков и молодых и классовую борьбу понимает борьбой поколений.

В прогруппированной «Рождение песни» Васильев пытается разрешить проблему рабочего писателя более конкретно чем в стихотворении «Начало», но разрешает непра-

вильно. Оказывается, рабочий поэт отделывается свои стихи не для того, чтобы лить стране хорошее произведение, верно отражающее действительность, а для того, чтобы мобилизовать массу на борьбу за социализм, а на это критикам:

«Чтобы потом, в безарной сутюжке в редакции».

Но сколько ни ушли листочки «хвалтар», 'Что потом в заводе, в литкружке ребята Не кричали рьяно: «Лунная соната!»

Со времени написания этого стихотворения Васильев вырос и многому научился. Сейчас Васильев активно включился в литературный конкурс и обещает показать героев строителя Урманда, о котором пишет поэму.

У Васильева безусловно незаурядное лирическое дарование, но развитости и окрепнутости может лишь при условии упорной работы над повышением мировоззрения и конкретной рукописью его творчеством со стороны литкружка, при условии активного участия в жизни завода.

МИХАИЛ

РЕЗНИК

Реznик — рабочий, беспартийный, 7 лет проработал у станка и был выдвинут нормировщиком в ТНБ.

В время спонсоризованное еще не хватало большинства рабочих «Электрпрозола». Среди них были слесари «коммунарские» тенденции. По словам Резника, «отдельные рабочие, зная, как улучшить и упростить работу, отключили эти тенденции иногда применяли, но скрывали это от других. Особенно от нормировщиков, чтобы не повисли росчерки и не повисли расценки. Иногда же просто «коммури» нормировщика. Сами нормировщики нередко засмысли при исполнении своих обязанностей или, не зная техники производства, позволяли надуть себя, и авторитет их потерялся, как мыльный пузырь» (Мих. Резник, «Записки нормировщика», Профиздат).

Реznика, связанного с рабочей массой, знающего производство, провести было трудно.

— Саша, не паша, — замечал он рабочему, пытавшемуся полунути-полусерьезно «объехать» его на кривой.

Рабочие смеялись: — Мишуща, гляди в оба, надует.

А Резник думал: «Да ведь это актер из производства — и давал Саше жесткий расценку. Тот только улыбался в ответ и думал: «Все равно переработают».

В своих «Записках нормировщика» Резник сумел удивительно показать это огромное значение, которое имеет для выполнения промплана техническое нормирование труда. Поэтому и разослан «Записки» в стихотворном тираже и переведены на ряд языков.

Реznик — не только активный рабочий и друг литературы, но и «друг народа» — Марата, т.е., проще говоря, активный работник Москов-

ской Ассоциации Рабочих Авторам Технической Книжки при ВЦСПС. Он организует ячейки МАРТА в цехах, выпускает целые полторы заводские издания в виде журналов: «Каждый изобретатель должен быть автором».

Недостатки художественных произведений Резника связаны с серьезными излиями в его мировоззрении. Резника зачастую проявляется механистическое отношение к искусству.

В рассказе «Валдце» в главе «Так было» рабочий люто, матерится, смеется над тараторами, обмывает мастера, не забывает о качестве продукции, о состоянии здоровья. Не думает, что это происходило до Октябрьского. Это происходило только до начала социалистического соревнования. У Резника получилось, что до соревнования весь рабочий класс состоит из одних лодырей и нытиков. При таком установке отношение Резник не мог показать, что ударничества и сосредоточенности благодаря ленинской политике партии возникают в самых рабочих массах. У Резника коммунистические формы труда как бы сваливаются с небеса.

«Шли дни, появились вызовы, обязательства на досках, из стенгаз. Люди стали задумчивые и серьезные».

Иван, Николай — сразу превращаются в изобретателей. Сначала не было живых пролетариев, а были только родимые пятна старого слесаря-инженера общества. Потом «идут» появились герои и исчезли все остальные стороны. Никакой связи, никакого периода.

Шагом вперед в творчестве Резника является рассказ «Читись, учиться». В нем Резник искусственно пытается затиснуть в технику. Но изобретатель Ваня в этом рассказе дал уже сложившимся. Не раскрыто, как произошло в нем стремление к изобретательству. Резник еще не умеет показывать людей в их развитии.

В рассказе «Так ты — не рабочий» также не мотивировано переименование рабочего Лушина. Просто сообщением факта, что Лушин превратился из разглагольщика в изобретателя, укладывается от показа переделки рабочего в коллективе. Это формалистическое отбрасывание материала вошло у Резника в привычку.

В последние времена Резник работал над большой повестью. В одном из отрывков под названием «Женюх» изображен Мишка — любитель цеха. Автор ярко и остроумно описывает его чудачество. Но в рассказе не хватает главного, краски тускнеют, и автор беспомощно бурмочет: «Была ударная комсомольская бригада... он заправил и организатор... за ним только след, старик... сейчас весь июльский цех бригады рабочих... проглотит, но оподаяна и думать забыла».

Он задался в красном уголке литкружков по истории с Резников о его «Женюхе». Он записывает историю, которую рассказывает на работах героя повести Михаила с рабочими будет еще показана в других отрывках.

Но, приоткрыл к стене, взял ход назад.

— Да вот, она и здесь показана. Ведь старик у меня говорит: «Я пишуно от клуба стал отлучать не во вылезе, а по буквам».

Все громко расхохотались.

Но Резник не обиделся. Он сам знает об уязвимости своего произведения. Он понимает силу своих произведений, выносит их на обсуждение не только в заводском литкружке, но и на семинарах рабочих авторов при ВЦСПС.

Михаил Резник включился в литературный конкурс; в обязательстве он пишет: «Конкурс дает возможность молодым людям показать, насколько они выросли, насколько политически воспитаны их заводская среда, как жизнь завода представляется в их мировоззрении».

Будем ждать от Резника творческого роста.

Я ГОВОРИЮ ДРУГУ

Не летали над нами снаряды, рича,
Пулемет смертоносно не хлопал,
Не рубила врага
Мы в кубанских степях
Всю доску не мерзали в окопах.
Не боролась мы в цапках
Сибирской тайги
И под перной
Не бились в стойлах,
Мы не брали под вой
Разъяренной пурги
Занесенная снегами Царщины.
Не бились — бойцы!
Ничего фронт трудовой,
Ничего строим
Гиганты-заводы,

Мы в ударном бою
Не отступили с тобой
Перед мурью и тьмой непогоды.
И по зобным уранам,
Отрываясь от земли,
Когда сломало ключок в воздухе,
Мы вдем на завод,
И вречет страна
Каждый день выходя в поход,
Станки на заводе,
И в цеху, нагруженом
Чугунным литьем
И приравняном к потом рабочих,
Мы ударным трудом
Оба вместе живем
И летать за деталями точим.

ИГРЫ НА МОЛОДЕННОЙ МАССОВКЕ

Через игру участники массовки приобщаются к физкультуре, получают бодрое, здоровое настроение. Вот почему мы считаем необходимым, чтобы на один молодежная массовка не проходила без игр.

Многие организаторы молодежных массовок жалуются: «Нет игр, старые надоели, новых мы не знаем. Где взять эти новые игры?»

Возьмем к примеру хотя бы те игры, которые себя оправдали на практике. Я вам о них расскажу.

ЭСТАФЕТА ПАРОЛЕЙ

В этой малолюдной игре одновременно можно занять 300—400 человек. Чем больше, тем лучше. В городе социалистического отъезда им. Калинина на ст. Тарасово, Северных железных дорог, эта игра пользуется огромным успехом.

Вы знаете, что такое пароль?

Это секретное слово. Его могут знать только те, для кого оно предназначено, посторонним знать его нельзя. Противник же старается узнать, что это за пароль. На этом по существу и построена эта заманчивая игра—эстафета паролей.

Заранее на отдельных листках бумаги заготавливаются пароли—ловушки, например: «Резиновый яд», «За нами быть», «Берега оборону» и т. п. в зависимости от тематики молодежной массовки.

Лозунги написаны, и листки сло-

жены так, чтобы никто не узнал их содержания до начала игры.

Все участники игры делятся на две равные партии, становясь или садясь в шеренгу друг за другом.

По сигналу листки с паролями вручаются первым номерам каждой шеренги (см. рисунок).

Они осторожно разворачивают листки, прочитывают пароли их партии и тихо, так, чтобы никто со стороны не услышал, сообщают сидевшим стоящим в шеренге содержания листка. Тот в свою очередь передает содержание пароля по цепи.

При передаче нужно соблюдать все правила предосторожности, чтобы содержание пароля не перехватили партией противника. Вместе с тем надо, чтобы пароль как можно скорее был передан по цепи.

Выигрывает партия, первой доставившая пароль (т. е. сумевшая передать по цепи секретное слово) последнему в шеренге, а тот в свою очередь сообщает его затейнику массовки.

Если же во время передачи пароль был перехвачен, то выигрывает игра та партия, которая сумела сохранить свой пароль в секрете, а чужой перехватить.

«ХОТЯЩИКИ И УТКИ»

Эта игра с мячом может быть проведена коллективно в 100—150 человек. Все участники этой игры делятся на две равные партии, из которых одна считается охотниками, а другая утками.

Место для игры—зудайка, поляна, на которой в центре флажками отмечается круг. Заходить за линию круга охотники не имеют права.

Момент игры в «охотники и утки» показан на рисунке.

Игра проводится по следующим правилам.

Участники, изображающие «охотников», располагаются вдоль круга, где находится утки. Они бросают мяч в круг, стараясь им попасть, и того, кто изображает утку. Каждый утка, в которую попал мяч, вываивает из игры.

Если же мяч трудно метнуть так, чтобы он попал в утку», «охотники» перебрасывают его по кругу другим участникам своей партии с таким расчетом, чтобы мяч попал к такому игроку, которому легко будет метнуть его в утку».

С каждой минутой становится все меньше и меньше уток». Вместе с тем все труднее и труднее попасть в передвижную стаюку.

Игра кончается, когда мячом «убита» последняя утка».

Время игры отмечается. Когда последняя утка «убита», играющие, изображающие охотников, меняются ролями.

Победительницей считается та партия, которая в более короткий срок сможет перебить всех уток.

Эта игра, проведенная в инструкторско-массовыми, прошла с большим успехом. Теперь нет такого дома отдыха в Московской области, где бы не проводили эту занимательную и увлекательную игру.

«ВИНТОВКА»

Эта малолюдная игра, зинтованная нами из практики Центрального и московского городского парков культуры и отдыха. Количество участников в этой игре не ограничено. Чем больше, тем лучше.

Все участники образуют круг, а заступник-массовый, выходя на середину, предлагает организовать соревнование в знании частей винтовки.

Для этой цели он предлагает всем участникам, когда будет названа часть винтовки, поднять вверх руку и сказать «есть!» Если же будет названа другая часть, не имеющая отношения к винтовке, поднимают руки не нужно. Тот, кто это делает, должен выплынуть то, что от него потребует коллектив: спеть песню, исполнить застучку, спаять и т. д.

Для начала игры предлагается всем хором исполнить возглас «есть!» и поднять руку.

Теперь можно начать игру. Массовик-заступник называет название части винтовки.

Приклад...
Штык...
Мушка...
Полушка...

Тот, кто поднимет руку на последнее слово—«полушка», должен вылететь в центр и выплынуть то, что от него потребует коллектив. Повторяется случай, когда нег сившегося.

Если же так точно случившееся не пожелалось, не унывая, продолжает игру.

Магазинная коробка...
Дуло...
Поклад...
Прицельная рама...
Летающий лама...

В общем постарайтесь подобрать рифмуящиеся слова с частями винтовки, чтобы этим вызвать в участниках ошибочный подъем рук и погубить «есть!».

С. Глазев

БИБЛИОТЕКА—ОРГАНИЗАТОР

Ваня Коротков сегодня очень торопится; ему надо успеть сделать множество дел: забрать в библиотеку переплетенные книги, посмотреть в читальне газеты и не опоздать на попятной на комсомольской коллективной даче.

Хоть и недалеко клуб от завода, а все-таки расстояние изрядное, особенно когда торопишься.

Но вот и библиотека. Хорошо работает библиотека, много горит времени не приходится. Читатель может сам подойти к полкам и выбрать любую книгу. Если бы не такой порядок, Ване нечего было бы надеяться получить удовольствие. По полка технической книги; он долго и торопливо роется. Много книг по химии и о резине он уже прочел.

Ваня интересуется всеми видами работ по резине. Выбрал книгу. Взял и вдруг замечет на штее еще не прочитанную им книгу о своем цвете.

Подойдет к беллетристике— азия Панфорова «Брусник».

Совсем было собрался уходить, но увидел вдруг—стоит группа ребят,

что-то обсуждают, читает, перелистывает. Подошел ближе и увидел большой штат с разложенными книгами. Книжки—большинство были снабжены винтовочными, здесь же висели рекомендательные списки, что читать по разным вопросам.

— Вот это здорово,—оборвался Ваня и срочно стал записывать названия книг, попутно просматривая винтовочный табель уток, а взгляд взглянул на часы, прямо даже страшно сделалось. Объял, что надо уходить—подумал Ваня,—но ничего, придется зайти завтра.

Он пошел в читальню. Читальня была в саду. Принято было сидеть и почитать на свежем воздухе. Сюда любят заходить не только молодежь, но и старшие рабочие.

Просмотрев газеты, Ваня направился к выходу, вдруг его кто-то хлопнул по плечу. Ах, да ведь это Колька, тоже один из участников приближающегося поитбова. Оба обрадовались встрече. Если опоздал влдодем, можно изобрести объективные причины, ребята скорей поверят. Скакать, что читал винтов-

цию в библиотеке и забыл о времени, как-то неудобно.

— Ну как, Ваня, был вчера здесь, на читальской конференции? Я тебе не писал?

— Да, был, но, знаясь, было скучно, народа мало, прения проходили вяло, ребята никак не могли расквитаться. Не то, что на обсуждении вопроса ко мешаества и чтеию. Высказывалось много народу, ребята проявляли действительный интерес. А вчера сразу выяснилось, что библиотека не провела подготовительной работы.

— Ты знаешь, когда я поступил на производство, я почти ничего не читал, не тундул, а тут так привык к книге, что не представляю, как это я раньше мог не читать.

За разговорами время бежало незаметно, и ребята очутились на даче. Пошли только что начлась Их первым заметил Ида Ивановна и, задавая заданный вопрос, закрычала:

— А ребята-то приехали, напрасно мы их обвиняли в дезертирстве.

Под редакцией САМСОНА ГЛЯЗЕРА

МУЗЫКА И ОТДЫХ

Молодежь ощущает огромную потребность в музыке. Когда есть музыка, у ребят настроение лучше, они веселее подымаются, писать советок. Ни одна молодежная массовка, ни один праздник не обходится без музыки.

Сейчас, когда на повестке дня проблема стоимости прибора и волеи обслуживания быта, музыке должно быть уделено особое внимание.

Нужно добиваться того, чтобы было больше музыкальных инструментов, доступных рабочей молодежи по цене.

К сожалению до сих пор музыкальные промышленные еще не перестроились так, чтобы удовлетворить все возрастные требования к ее продукции. Кустарные методы работы и слабый механизация труда резко влияют на производительность музыкальных фабрик.

Изобретательская мысль еще мало работает над рационализацией про-

изводственных процессов наших музыкальных предприятий.

Мы хотим музыки! Мы хотим, чтобы у каждого комсомольца был свой музыкальный инструмент — гармонь, балалайка, гитара, домра, скрипка, патефон самой последней конструкции. Мы хотим, чтобы у нас были хорошо звучащие грампластинки, четко передающие произведения лучших композиторов, исполнение лучших оркестров, артистов нашей страны.

Для этого надо помочь музыкальной промышленности рационализировать производство. Материал этой страницы целиком построен на опыте изобретателей Музоб'единения. Ваши варианты изобретений, полученные в виде ответов на задания технического творчества, помогут увеличению выпуска музыкальных инструментов и будут способствовать снижению их стоимости.

Присылайте решения!

ВЕСЕЛЕИ ИГРАЙ, ГАРМОНЬ!

Комсомольская гармонь! Сколько песен про нее сложено. Гармонь — массовый народный инструмент. Но инструмент очень дорогой.

А дорогизна этого музыкального инструмента вызывается тем, что из фабрик гармонки делаются арочную, по-кустарному. В результате — очень низкая производительность, большой брак продукции и не всегда удовлетворительное качество.

На 3-й фабрике музыкальных инструментов в Ленинграде голоса для гармонки делались из а тунн вручную. Производительность была чрезвычайно низка. Кроме того никогда

не было добиться абсолютной точности.

Местные изобретатели пришли к

Рис. Л. Снехова

выводу, что лучшим способом ускорить производительность цеха, изготовляющего голоса для гармонки, это механизировать труд мастеров.

Что же они могли предложить для механизации изготовления голосов гармонки? Подумайте, очень хочется быть, что ваши предложения могут представить техническую новизну и будут использованы Музоб'единением.

«Веселей играй, гармонь». Это будут не только слова песни, но и призыв к тому, что в производстве музыкальных инструментов будут использованы ваши рационализаторские предложения, увеличивающие производительность и делающие их более доступными для нашей молодежи.

Терпение может быть и хорошей вещью, но в то время, когда страна ощущает острую нужду в музыкальных инструментах, когда нужно добиться максимального сигнала самостоятельности, такой способ работы должен подвергнуться решительной рационализации.

Музоб'единением принят проект сокращения срока изготовления медных инструментов в несколько раз, причем качество от этого никоим образом не ухудшится, а наоборот, создаются условия для улучшения качества музыкальных инструментов.

Что же это за предложение? Впрочем, об этом не трудно догадаться, но весьма возможно, что вы в своих догадках внесете что-нибудь новое, что представит интерес для рационализации производства этих инструментов.

ГРАММОФОННАЯ ПЛАСТИНКА

ПО МЕДНЫМ ТРУБАМ

Все вы знаете пословицу «Провел огонь, воду и медные трубы». Для того, чтобы пройти огонь и воду мы знаем достаточно много средств, а вот с медными трубами — корнетом, тромбоном, саксофоном и т. п. — дело обстоит не так благополучно.

Подумать только, для того, чтобы сделать медный музыкальный инструмент, приходится выкачивать его так, чтобы удалась одна трубка, а вся остальная работа достигалась путем длительного и упорного труда. Материал, идущий на музыкальный инструмент, стоит гораздо сравнительно со стоимостью работы по его изготовлению.

Столько терпения, сколько прилагает мастер медных музыкальных инструментов в своей работе, вряд ли знает какая-либо другая профес-

В Москве и в Ленинграде сейчас большим успехом пользуются портативные граммофоны, массовый спрос которых сейчас нарабатывается на наших фабриках.

Но граммофоны без пластинок — ничто. Только при хороших пластинках, четко передающих звук, можно получить удовольствие от музыки. Вот почему каждое рационализаторское предложение в области граммофонной промышленности особенно поощряется Музоб'единением.

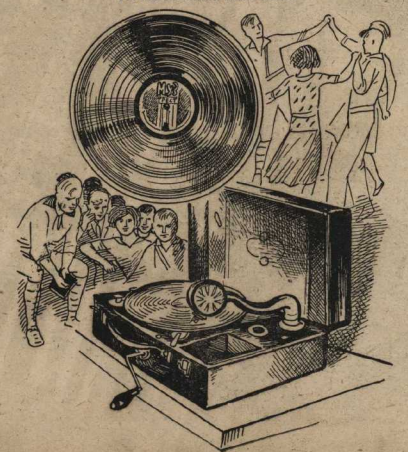
Кроме того граммофонные пластины обходятся довольно дорого. Их не может иметь в большом виде каждый владелец граммофона, патефона.

А дороги они потому, что производятся их чрезвычайно трудно. Хотите знать, как до сих пор изготавливаются граммофонные пластинки?

В Москве, в помещении Центрального дома Красной армии, оборудована студия. Сюда приезжают оркестры, хоры, ансамбли, лучшие артисты нашей республики и гости из чужеземных стран. У микрофона они исполняют свои номера, которые через специальный аппарат «Рекордер» записываются на восковую пластинку.

Затем восковая запись покрывается графитом и опускается в гальваническую ванну, в которой нарастает медь на запись. После ряда химических процессов получается медная гальвано-матрица.

Но до готовой граммофонной пластины еще далеко.

Гальванизованную матрицу набивали на металлическую пластинку, называемую шельд, сделанную из латуни, общим весом в 2½ кг.

Матрица набивалась на шельд с обеих сторон. Шельд вставлялся в гальванический пресс, который сдавливал разогретую пластинковую массу, и пластинка готова. Оттиски гальвано-матриц получались с обеих сторон пластины.

Так было. Но инженеры Музоб'единения нашли, что это слишком дорого обходится производству. Латунная шельда в 2½ кг. совсем не обязательна. Кроме того набивка на нее гальвано-матрицы отнимает много времени.

И наконец последний недостаток тот, что каждый кусок пластинковой массы, из которой изготавливается пластинка, нужно предварительно нагревать, чтобы получился оттиск. И поэтому они внесли предложение... Впрочем вы об этом узнаете, когда будут помечены решения задач, а на досуге подумайте, что по вашему мнению можно было бы упростить и механизировать при изготовлении граммофонных пластинок.

Музыкальная промышленность ждет ваших проектов и предложений!

Решение каждой задачи присылать на отдельном листе, — это ускорит их рассмотрение экспертами специалистами. Ваши проекты будут премированы, если в них есть элементы технической новизны.

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНО
БЕРТИТСЯ ЧОРТОВО КО-
ЛЕСО В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ
И ОТДЫХА!